ВАЛЕРИЙ ГОРШКОВ

Я — ЛИКВИДАТОР НКВД

Любой ценой

Историко-приключенческая сага о людях-тенях и их тайной работе

Валерий Сергеевич Горшков

Любой ценой

Серия «Я – ликвидатор НКВД», книга 2

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184003
Любой ценой: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13594-4

Аннотация

Для Ярослава Корсака – бойца диверсионно-разведывательного отряда «Стерх» Великая Отечественная война не закончилась в мае 1945 года. Его направляют в Бразилию, где укрылись от возмездия недобитые нацисты. Двух гитлеровских бонз надо ликвидировать. И чем быстрее, тем лучше. Задание совсем не из легких. Впрочем, у «стерхов» других не бывает. Ярослав отправляется в Бразилию, еще не подозревая, какая черная тень нависла над ним…

Содержание

Часть I 4
Глава 1 4
Глава 2 26
Глава 3 52
Глава 4 64
Глава 5 79
Глава 6 89
Глава 7 102
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Валерий Горшков
Любой ценой

Часть I
Три дня без войны

Глава 1
Золотая звезда

Октябрь 1945 года. Чехословакия

Утро прощания с чистеньким, но по вполне понятным причинам опостылевшим Ярославу за последние пять месяцев буквально до зубного скрежета госпиталем города Брно, да что там – фактически это было утро прощания с их спецотрядом, с его бессменным отцом-командиром Батей и со службой вообще – выдалось погожим, солнечным, абсолютно тихим и совсем не по-осеннему теплым. Впрочем, в отличие от родного Ленинграда, куда должен был ближе к обеду отбыть на воинском эшелоне закончивший свою боевую одиссею и накануне получивший не только оформленную по всем правилам инвалидность, но и новые погоны капитан Корнеев, для юга Чехословакии этакая щебечущая пти-

чьим многоголосьем бархатная идиллия в начале октября была скорее нормой, чем исключением. Климат здесь, в юго-восточной Европе, значительно мягче российского. Уютней, что ли.

Сколько ни присматривался сидящий на лавочке Ярослав (за время службы в диверсионно-разведывательном спецотряде «Стерх» гораздо больше привыкший отзываться на кличку Охотник, чем на родное имя), он так и не заметил в окружающем его больничном парке ни одной пожухлой травинки на аккуратно постриженном газоне, ни единого, тронутого желтизной листка на могучих липах. Со щемящей тоской он вдруг подумал, что над Питером, только-только начинающим просыпаться после четырехлетней блокадной комы, в эту вот самую минуту скорее всего висят хмурые свинцовые тучи и над изуродованными бомбежками улицами хлещут обычные для середины осени затяжные ливни. Даже не верилось, что еще два-три дня – и он вновь увидит Спас-на-Крови, Невский проспект и сияющий золотой шпиль Адмиралтейства. А еще – своими глазами увидит, во что превратили его родной город гитлеровские недоноски за годы блокады. Впрочем, многие из страшных памятников этой трагедии оставшиеся в живых ленинградцы уже наверняка успели убрать. Ведь война на территории Союза фактически закончилась больше года назад.

Погрузившись в тягостно-щемящие, клещами давящие сердце мысли и воспоминания, Ярослав не сразу заметил,

как к скамейке, на которой он сидел, подставив солнцу болезненно бледное, худое лицо, бесшумно подошел и опустился рядышком полковник Шелестов. Ярослав ждал командира. Верил – на минуту заглянувший в госпиталь пару дней назад и узнавший от врача и коменданта о его сегодняшнем отъезде домой, Батя обязательно придет попрощаться.

Заметив Максима Никитича, капитан поднял лежащий рядом костыль и хотел встать, но Батя не дал – положил свою тяжелую, почти медвежью ладонь капитану на плечо.

– Не надо, Слава.

Шелестов положил рядом с собой на скамейку какой-то продолговатый сверток, перетянутый бечевкой. Достал из кармана гимнастерки серебряный портсигар с тисненым изображением столичной высотки, открыл, протянул Ярославу. Беря папиросу, Охотник бросил цепкий взгляд на принесенный командиром сверток и чуть заметно дернул уголком рта в подобии улыбки. Догадался, что за подарок приготовил ему Батя.

– Я ждал вас, – прикурив от вспыхнувшей в руке полковника, едко пахнушей бензином самодельной зажигалки-гильзы, тихо сказал Ярослав.

– Когда ты уезжаешь? – кивнув, спросил Батя.

– Эшелон до Москвы будет на станции ориентировочно в час дня. Значит, как минимум в полдвенадцатого мне нужно уходить. Пока доковыляю до вокзала, на своих корявых

подпорках. С черепашьей скоростью.

– Не беспокойся. Я тебя подвезу, – сказал Максим Никитич. Добавил, по-отцовски положив руку на плечо Ярославу. – А насчет ноги… Не так страшен черт, как его малюют. Разработаешь потихоньку. Люди с перебитым позвоночником встают. Ты еще «яблочко» вприсядку танцевать будешь, попомни мое слово.

– Не надо, командир, – губы Ярослава дрогнули, однако подаренный Шелестову взгляд оставался пустым и холодным. Каким-то потухшим. – Я, конечно, не эскулап, институтов медицинских на заканчивал и в чужих кишках скальпелем не ковырялся. Но анатомию с физиологией знаю достаточно, чтобы понять очевидное – без коленного сустава нога сгибаться не сможет. Никогда. Я – калека.

О характере и тяжести ранений, полученных капитаном Корнеевым седьмого мая – менее чем за сутки до капитуляции Германии – во время выполнения его группой последнего спецзадания по захвату готового улететь в Испанию «Юнкерса» с секретными документами из архива СС и пятью головорезами из личной охраны Гиммлера на борту, Батя узнал первым. В результате взрыва гранаты Охотник получил сильную контузию и семь осколочных ранений, два из них – тяжелых. В правый висок и колено. Еще двум бойцам из группы Ярослава повезло меньше. Но задание, так или иначе, было выполнено – враг уничтожен, летчик взят в плен, самолет с архивом получил повреждения и не взлетел.

Только через три с лишним часа после скоротечного боя подоспевшие к маленькому лесному аэродрому солдаты вынесли из завалившегося набок тлеющего фюзеляжа семнадцать тяжелых металлических ящиков с черным орлом на крышке. Истекающего кровью Охотника под присмотром Бати немедленно доставили в ближайший полевой госпиталь, где прошедший всю войну дока-нейрохирург прежде всего извлек осколок из черепа, а уже затем другой его коллега, подчиняясь командиру диверсантов и его «тэтэшнику», вместо практикуемой в полевых условиях нехитрой ампутации ноги выше колена, в течение долгих трех часов скрупулезно собирал по кусочкам в единое целое то, что осталось от коленного сустава десантника. Удивительно, но уже через сутки Ярослав пришел в себя. Еще через два дня главврач полевого госпиталя дал добро на транспортировку раненого в стационар для дальнейшего лечения. К тому времени полковник Шелестов поставил на уши всех, кого возможно, дернул за все доступные ниточки и выяснил место службы самого лучшего специалиста по такого рода ранениям. Им оказался чех, Иржи Ковач. Вопрос решился одним телефонным звонком. Охотника – тогда еще старшего лейтенанта – самолетом, заказанным всесильным Батей, перевезли в Чехословакию, в госпиталь под Брно, где он, выкарабкавшись с того света, провел последние пять месяцев, перенеся еще две сложнейшие операции. Гангрены и заражения крови, которых так опасался полевой хирург, слава богу, не случилось и ногу ниже коле-

на удалось сохранить. Однако чуда не произошло. Восстановить подвижность покалеченного сустава больше чем на треть даже такому специалисту, как Ковач, увы, оказалось уже не под силу.

– Ты не калека, Слава, – твердо сказал полковник и крепко стиснул плечо Охотника. – Ты герой. Не только по заслугам боевым и по совести, но теперь уже и фактически… Как твой командир, я рад сообщить тебе, что за операцию по захвату части архива СС генерал Багров представил всю группу к наградам. А командующий армией с ним согласился. Этим гансовским документам, Слава, цены нет. Это – приговор… Серому и Пуле дали Красную Звезду. А погибшим ребятам – Сверчку… Толику Калинину, Мухе… Муху Ибрагимову и тебе, как командиру, присвоили звание Героя Советского Союза. Звездочки павших героев отошлют их родным, в Калугу и Дагестан. А твоя… твоя у меня, с собой… Вообще-то такие серьезные награды положено вручать перед строем, в официальной обстановке, но сегодня особый случай. Так что принимай…

Батя глубоко затянулся дымком, выбросил окурок в стоящую возле скамейки урну, деловито достал из висящего на ремне планшета обтянутую багровой тканью коробочку, открыл и бережно протянул Ярославу. Приняв награду, Охотник долго, не отрываясь, смотрел, как солнечные лучи играют на золотых гранях лежащей на бархатной подушечке «Золотой Звезды». Затем, словно очнувшись, капитан торопли-

во закрыл крышку, зажал коробочку в кулаке, не глядя нащупал костыль, оперся, поднялся во весь рост одновременно с вставшим и одернувшим гимнастерку Шелестовым и хриплым, глухим от волнения голосом произнес:

– Служу Советскому Союзу.

Потом офицеры крепко, по-мужски обнялись. Когда Ярослав, повинуясь движению руки командира, вновь опустился на скамейку, Максиму Никитичу на миг показалось, что он заметил в наконец-то оживших глазах капитана капли так и не скатившихся по щекам скупых слез. Впрочем, возможно и померещилось.

– Только вот с записью на право ношения награды вышла небольшая проволочка. Эти жирные тыловые крысы, отсидевшиеся всю войну в теплых кабинетах на спецпайке, снова что-то перепутали. Чтоб их!.. Но я уже звонил Зинчуку, оставил распоряжение. Документ со дня на день дооформят и отправят пакетом в центральный ленинградский военкомат. Через пару недель получишь.

– Спасибо, командир.

– Не меня – себя благодари. Ты эту звезду кровью заслужил. И ребят наших погибших благодари. Пусть земля будет им пухом. Надо бы, по старому русскому обычаю, помянуть героев боевыми ста граммами, но мне с моей проклятой язвой Шприц категорически запретил, а ты, я знаю, не любитель. Так что давай просто помолчим…

– Ну вот – вздохнул, первым нарушив тягостную тиши-

ну, Батя. – С официальной частью награждения, кажется, закончили. Теперь, товарищ Герой Советского Союза, примите и мой скромный подарок. Я искренне желаю, чтобы ты как можно быстрее перестал им пользоваться по прямому… и, упаси Бог, так никогда и не прибегал к скрытому назначению, и через какой-то годик, а то и раньше, убрал бы за ненадобностью в самый дальний угол самого темного чулана. Принимай…

Ярослав приподнял брови. Батя его заинтриговал. Неужели ошибся, с ходу предположив, что внутри свертка не что иное, как инвалидная «третья нога»? Пусть не самая рядовая – безликий «огрызок» полковник дарить бы не стал – однако назначение предмета от этого нисколько не меняется. По Сеньке и шапка.

Шелестов, не без удовлетворения глядя на заострившееся сильнее обычного лицо капитана, хитро ухмыльнулся, поднял продолговатый предмет, злодейски обернутый «Красной Звездой» со снимком Георгия Константиновича Жукова на первой полосе (за такую вольность году этак в тридцать седьмом могли запросто посадить, повесив самую препоганую статейку УК), легко сдернул веревку и, сторожко зыркнув по сторонам, – в непосредственной близости от скамейки не было ни души – развернул, аккуратно сложил газету, разгладив рукой снимок маршала, убрал в планшет…

В руках полковника находилась красивая, вне всякого сомнения – очень дорогая, отлично сохранившаяся, хоть и яв-

но повидавшая на своем долгом веку пыль сотен дорог изящная мужская трость из полированного, покрытого лаком темного дерева, с металлическим наконечником внизу и резной, соединенной с тростью широким кольцом с фигурной гравировкой, Т-образной рукояткой из самой что ни на есть настоящей слоновой кости.

– Тоже не слабо, – присвистнул Охотник. – Красивая палочка. У меня нет слов, Никитич. Одни междометия.

– Я был уверен, что тебе понравится, – прищурился полковник, передавая трость невольно залюбовавшемуся этим произведением искусства Ярославу. – Обрати внимание на год изготовления и личный вензель мастера. Вон там, на кольце. Йан ван Гольм, Амстердам, тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Этой трости пятьдясят семь лет, а глянь-ка, выглядит почти как новая. Я обнаружил только одну царапину, в самом низу, возле наконечника.

– Видать, берег ее бывший хозяин, – пристально посмотрев в пепельно-серые глаза командира, заметил Охотник.

– А теперь ты пользуйся, – Шелестов, вроде как соглашаясь, кивнул, старательно делая вид, что не понял главный смысл произнесенной Ярославом реплики. – Согласись, сия изящная игрушка куда удобнее в руке, функциональнее… да и просто приятней глазу, чем тяжелый и уродливый казенный костыль, которым тебя облагодетельствовали чешские эскулапы.

– Функциональнее, говоришь? Знаешь, Никитич, в юно-

сти я, как и многие пацаны, любил на досуге почитывать книжонки. Все больше исторические, с приключениями. И, если мне не изменяет память, обычный на вид посох странствующего монаха или трость хромого калеки по определению могут скрывать только одну тайну. А именно – быть идеальной маскировкой для настоящего оружия…

Присмотревшись внимательнее к костяной рукоятке, Ярослав провел пальцами по широкому кольцу, соединяющему ее с деревяшкой, затем, как и положено при ходьбе, положил ладонь правой руки на рукоятку трости, пальцами другой сжал палку, словно ножны сабли, надавил большим пальцем на кнопку в виде выпуклого вензеля мастера – и через полсекунды, обнажив, уже держал перед собой грозное оружие, поблескивающее на солнце тонким и острым как бритва стальным лезвием.

– Впечатляет. Особенно вес. Перышко. Так и подмывает взмахнуть. – Слава огляделся в поисках подходящего объекта для отсечения. – Природу портить не будем. Дай-ка мне твою газетку, что ли, Никитич, – простецки попросил капитан.

– Не стоит. Не надо трогать Георгия Константиновича, – буркнул Шелестов. – На, возьми лучше вот это, – полковник достал чистый носовой платок. Взял его за самый кончик, встряхнул, разворачивая. Вытянул руку перед собой и выжидательно посмотрел на капитана, приподняв седеющую бровь. Обронил, едва шевеля губами:

– Давай шустрее, экспериментатор. Нечего здесь цирк шапито устраивать на глазах у изумленной публики.

Ярослав поднял оружие, примерился, дабы по недоразумению не оттяпать командиру палец, и сделал короткое, резкое движение кончиком клинка.

Лезвие, не встретив ни малейшего сопротивления, едва слышно – фьють! – рассекло воздух. Нижняя часть платка, отделившись от верхней, плавно спикировала на асфальт, к надраенным до блеска офицерским ботинкам Бати. Ярослав зачехлил клинок, вновь превратив грозное оружие в обычную, пусть даже несколько аристократичную и пижонскую для фронтового советского капитана, трость. Комментарии, что называется, были излишни. С таким великолепным холодным оружием Ярослав, до рекрутирования в «Стерх» не один год посвятивший изучению японского ниндзюцу, воочию столкнулся впервые в жизни. Мало того – благодаря Бате он только что стал хозяином клинка, качеству и легкости которого мог бы позавидовать любой самурай из Страны восходящего солнца.

– Никитич, – Охотник серьезно посмотрел на командира. – Признайся, где ты его нашел? Это же Меч-Кладенец из русской народной сказки. Страшно даже предположить, сколько он может реально стоить. Здесь, в Европе.

– Если скажу, что за три медных гроша в лавке барахольщика купил, в Праге, ты же не поверишь?

– Слишком примитивно. Штучная работа.

– Ладно, уговорил, – прикуривая папиросу (Ярослав от второго подряд предложения закурить отказался) и пыхнув дымом, сообщил Шелестов. – Трофей. Взят хоть и не в бою, но непосредственно в логове заклятого вражины. Месяц назад спецотделу армии стало известно, что в загородной усадьбе под Эссеном, в американской зоне ответственности, совершенно открыто живет гестаповский генерал Клаус Мантуффель. Ты должен знать этого подонка.

– Это тот, который приказал взорвать Краков при отступлении?

– Именно. За ним много всяких «подвигов», за каждый из которых по закону военного времени полагается расстрел на месте. Так или иначе, но объявленный нами через союзников в розыск Мантуффель, как доложила разведка, вступил в тайный сговор с янки и сумел в обмен на некие услуги со своей стороны… уж не знаю, что он этим жадным и двуличным ковбоям предложил… выторговать себе жизнь. Причем весьма комфортную… Генерал Багров посчитал, что это безобразие нужно во что бы то ни стало исправить. И приказал нам тихо нагрянуть в гости на чужую территорию, скрутить и доставить долбаного Санта Клауса живым, в СМЕРШ, где после душевной беседы он будет передан в распоряжение советского трибунала. Так мы и сделали. Я, Старик, Леший и Зоркий… А трость… Она висела у генерала на стене, на персидском ковре, в гостиной, рядом с другим старинным оружием. Как только я ее увидел и смекнул, что к чему –

простой костыль гестаповец на стенку вешать бы не стал, – то сразу подумал, что тебе эта штуковина может очень даже пригодиться… Вот и прихватил. Вместе с турецким ятаганом, французским кремневым мушкетом и пистолетом времен капитана Дрейка. Когда, на обратной дороге, я спросил у Мантуффеля, откуда у него эта трость, вместо ответа получил совсем уж плебейский плевок. В лицо, сволочь, метил. Попал в плечо. За что получил в зубы. Вроде бы как поскользнулся на трапе, упал. С каждым бывает…

– Ясно, – ухмыльнулся Ярослав. – Что ж, спасибо. – Охотник встал со скамейки, опираясь на трость, сделал несколько шагов по дорожке туда и обратно. – Эта клюка действительно гораздо удобнее костыля. Где бы еще сустав по дешевке достать?

– М-да, – пробормотал Батя, выдыхая через нос две тугие струйки дыма. Помолчал пару секунд, потом сказал: – Ладно, проехали. Давай о другом поговорим. Куда ты перво-наперво направишься, прибыв в Ленинград, даже не спрашиваю. Это очевидно. Пять месяцев, как закончилась война. Большая часть рекрутов вернулась домой, в Союз. И если… твой сенсей Сомов жив, то он тоже наверняка вернулся.

– Иваныч жив, – с каменной уверенностью в голосе выдавил Ярослав, стиснув зубы.

– Будем надеяться, – кивнул полковник. Знал – после того как в ГУЛАГе, зимой 38-го, умерла от пневмонии арестованная НКВД приемная мать Корнеева, для капитана его быв-

ший университетский преподаватель «дойча», профессор Сомов, стал не только сенсеем, но и единственным близким человеком на всей земле. К нему Ярослав всегда относился как к отцу, которого у него фактически никогда не было. Единственное, что сохранилось, – это оставшийся от настоящей матери и заботливо сохраненный матерью приемной кулон-«любимчик» на серебряной цепочке, со спрятанной внутри крохотной фотографией усатого мужчины. Ни его настоящего имени, ни фамилии Охотник никогда не знал. Так же как имени родной матери, погибшей в центре Петербурга дождливой осенней ночью пятнадцатого года, под колесами шальной извозчичей пролетки. Его, чудом оставшегося в живых после столкновения, достала из тела погибшей юной женщины жившая в доме напротив и прибежавшая вместе с дворником на место ночной трагедии акушерка, одинокая сорокатрехлетняя княгиня Анастасия Михайловна Корсак. Она впоследствии и усыновила мальчика, когда спустя четыре месяца полиция Петербурга так и не смогла установить ни личность погибшей, ни разыскать родственников спасенного княгиней малыша. Единственное, что осталось, – это кулон с портретом мужчины, предположительно отца, найденный на теле. С тех пор как Ярослав, на долю которого после ареста матери выпало множество леденящих кровь испытаний и приключений, уже будучи бойцом «Стерха», не без участия полковника Шелестова наконец-то узнал правду о своем появлении на свет; он хранил кулон как единственное, что свя-

зывало его с прошлой жизнью. Снимая с себя и оставляя на базе лишь при выполнении боевых заданий{Роман «Под чужим именем».}. – Только ты не забывай, Слава, что Ленинград почти полторы тысячи дней находился в блокаде и гансы все это время стояли буквально на самых подступах к городу. На южном направлении, где как раз и находится деревня Метелица, линия фронта проходила по Пулковским высотам… Так что есть большая вероятность, что от Метелицы и прочих хибар в округе остались одни головешки.

– Даже если так. Иваныч после фронта обязательно вернулся назад в университет. И сейчас, как и до войны, преподает немецкий. Если Сомова не окажется в Метелице или там не окажется самого дома, я просто поеду на Васильевский остров, зайду в университет и найду его там, в аудитории, – сказал Охотник. Судя по тону – Ярослав искренне верил в то, что говорил. В его умозаключениях – надо признать – была четкая логика.

– Ну, твои бы слова да богу в уши, – вздохнул, утвердительно качая головой, полковник. – Тогда едем дальше. Чем думаешь заняться?

– Пока еще не решил, если честно. – Лицо капитана чуть напряглось. Взгляд словно невзначай скользнул по трости и искалеченной ноге. – Сориентируюсь на месте. Найду работу, определюсь с жильем. Голова и руки в порядке. Хочется верить – не самые плохие даже в таком большом городе, как Питер.

– Я не просто так, из любопытства, спрашиваю, – сказал Шелестов. – Есть у меня один знакомый. Человек влиятельный. Со связями во всех направлениях, включая Смольный. Бывший морской офицер из Кронштадта, капитан второго ранга. Умница, каких мало. После семнадцатого года активно помогал молодому советскому государству создавать флот. С конца тридцатых годов на пенсии. Во время войны отвечал за гражданскую оборону, входил в городской штаб. Его зовут Геннадий Александрович Голосов. Некоторое время назад, уже после Победы, я случайно узнал, что он жив-здоров и по-прежнему в Ленинграде. О нем мельком упоминалось в газетной статье. Председательствует в каком-то близком к армии добровольном спортивном обществе с трудно произносимым названием. Короче, воспитывает и обучает допризывную молодежь. Я считаю, тебе прежде всего стоит обратиться к нему. Голосов – мой друг. И обязательно устроит тебя на гражданке в хорошее место.

– Я могу сам о себе позаботиться, – процедил, нахмурившись, Ярослав.

– Я не сомневаюсь в этом, – согласился полковник. – Но послушай меня, Слава. Тебе тридцать лет, из которых почти семь ты носишь погоны. Ты– десантник, боевой офицер. Хищник. Один из лучших среди всех, с кем мне приходилось служить бок о бок на протяжении четверти века. Но так уж вышло, что после контузии и тяжелого ранения карьера в армии для тебя ограничена тылом. Но бумажки и пыльные

кабинеты– не для хищников. Ты сам об этом знаешь. Волк не сможет жить в одной клетке с собаками. Значит, тебе нужно сменить форму на костюм и устраиваться на гражданке. А там свои законы. Свои правила. Жить по которым тебе, по большому счету, еще только предстоит научиться… Пройдет некоторое время – оботрешься, обязательно встретишь девушку, с которой захочешь создать семью… Это только в армии все просто: получил приказ, и обязан выполнить его, любой ценой. А там, в гражданском обществе, – как ни дико это звучит– все гораздо жестче. Особенно сейчас, после войны. И первая задача любого нормального мужика, у которого есть крепкий хребет, занять в этой жизни подобающее место. Там, – Шелестов кивнул в сторону виднеющихся в конце длинной аллеи главных ворот госпиталя, – сила нужна не меньше, чем здесь.

Батя достал из нагрудного кармана гимнастерки сложенный пополам конверт.

– Это письмо. Передашь Голосову. Я здесь на обороте записал адрес. Садовая, в двух шагах от Никольского морского собора. Если дом в бомбежках уцелел, старик наверняка до сих пор живет там. Обещай мне, что зайдешь к Голосову сразу же после приезда. Прежде чем пытаться самостоятельно устроиться на работу и получить жилье. Обещай мне это, Слава. Я жду.

Ярослав испытывал странное чувство. То ли взыграла гипертрофированная, как у любого диверсанта, мужская гор-

дость, то ли он просто смутился, получив одновременно и звезду Героя, и голландскую трость с клинком, и рекомендацию к влиятельному старику «со связями», то ли банально стеснялся проявленной вдруг Шелестовым почти трогательной заботы о своем более чем туманном будущем, как таковой, а быть может, испытал все эти острые чувства одновременно. Но, так или иначе, ни отказать Бате, ни солгать ему Ярослав не мог. Поэтому скрепя сердце взял протянутый командиром конверт с письмом:

– Обещаю.

– Ну, добро…

В течение немногих минут, прошедших с начала их – быть может, последней в жизни – встречи, этот огромный, только-только начинающий седеть человек с квадратной челюстью и пудовыми кулаками, пахнущий ядреным табаком, сапожной ваксой и трофейным одеколоном, сделал для Ярослава так много, что Охотник вдруг поймал себя на мысли что совершенно не знает, о чем им говорить дальше. Казалось, все возможные темы исчерпаны.

Шелестов, словно читая его мысли, взглянул на часы и подвел черту под разговором:

– Ладно, капитан. У тебя есть десять минут. Бросай костыль, не пропадет, и дуй за вещмешком. Попрощайся с кем надо. Пора ехать. Мне через сорок минут нужно быть на аэродроме, – Максим Никитич встал со скамейки, открыл портсигар. – Тут ехать от силы километров пятнадцать, так

что запас есть. Как и обещал, подброшу прямо до станции. Придется тебе, правда, поскучать там пару часов до поезда. Но уж лучше так, чем пешком. Согласен?

– Так точно.

– Я буду в машине.

Проводив прихрамывающего, опирающегося на подаренную им трость Охотника задумчивым взглядом, Батя щелкнул гильзой-зажигалкой, прикурил и медленно направился вдоль протянувшейся от ворот до главного корпуса живописной, удивляющею глаз своей заботливой ухоженностью липовой аллее. Словно это и не госпиталь вовсе, а разбитый по высочайшему указу царский парк отдыха. Где-нибудь в Петродворце или Гатчине. Все здесь, в Чехословакии, не по-нашему, не так, как в России. И прежде всего – люди. Не успел еще стихнуть вдали грохот пушечной канонады, еще не ликвидированы шляющиеся по лесам вооруженные банды, состоящие из дезертиров, не успевших удрать на запад бывших полицаев и прочих фашистских недоносков, как в руках вышедших из бомбоубежищ на улицу местных тут же появились не стаканы с победной «соткой» спирта и даже не насквозь практичные крестьянские сеялки-веялки, а всякая буржуйская глупость – извлеченные из подвалов и сараев грабли и садовые ножницы, газонокосилки, белила для деревьев и чулки с готовыми к посадке цветочными луковицами. Вместо того чтобы сеять хлеб, они первым делом сажают гладиолусы и стригут лужайки…

Позавчера, поздно вечером, в кабинет Шелестова на базе неожиданно заглянул пьяный в хламину замполит. Знал, стервец, – командир не заложит. С собой майор Борисенко принес шмат сала, луковицу и початую бутылку невесть где раздобытого шотландского виски «Белая лошадь». Максим Никитич прогонять замполита не стал, но пить вонючую вражескую самогонку отказался, сославшись на больной желудок. Борисенко, впрочем, нисколько не обиделся и быстренько выхлебал все сам. А затем, пребывая в зело изумленном и способствующем словесному поносу состоянии, заплетающимся языком вдруг толкнул длинную, прочувствованную речь, смысл которой вкратце сводился к следующему: несмотря на то, что этнически добрая треть Европы – вроде бы как свои в доску, тоже славяне, только западные, но все эти так называемые «братья по крови» – сербы, чехи, словаки – в гробу видали и коммунизм, и лично дорогого товарища Сталина, потому как в глубине души все они – заклятые буржуи, собственники и индивидуалисты. Какое-то время – год, пять или десять лет – это стадо еще можно будет держать в узде, диктуя железную волю партии при помощи военной силы. Потому как Красная Армия отсюда домой не уйдет и американцам с англичанами ни пяди политой нашей кровью земли не отдаст. Однако он, майор Борисенко, прямо-таки задницей чувствует, что слишком долго эта послепобедная идиллия продолжаться не сможет. Взбунтуются, сволочи. Свободы захотят. Захотят, чтобы русские уби-

рались домой. А мы не уберемся. Мы покажем этим неблагодарным тварям фигуру из трех букв и пошлем на три веселых буквы. Затем выведем на улицы танки, будем давить их в фарш гусеницами и стрелять на поражение. И всей хваленой «дружбе народов» мигом наступит полный и окончательный абзац.

От каких бы то ни было комментариев к «прорицаниям» ужравшегося замполита Максим Никитич благоразумно воздержался. Просто уложил обсессилевшего и сникшего Борисенко спать и накрыл солдатским одеялом. А про себя, помнится, мимоходом подумал – даже если этот возомнивший себя Нострадамусом хохол из Чернигова окажется провидцем и предсказанная им с пьяных глаз страшилка рано или поздно случится, «Стерх» участвовать в подавлении мятежа по-любому не будет. Не того полета птица. Солдат солдату рознь. Есть бойцы, рожденные для того, чтобы подметать на плацу мусор, есть те, кто на плацу марширует. Но существуют и третьи – те, у которых есть крылья, хищный клюв и острые когти.

И Охотник тоже не будет. Он теперь вне игры. Жаль…

Шелестов пыхнул дымом, оглянулся через плечо и успел заметить, как припадающий на правую ногу капитан Корнеев скрылся за дверью главного корпуса. Командир разведывательно-диверсионного отряда был на сто процентов уверен, что их сегодняшняя встреча со Славой– последняя. Что больше они никогда не увидятся.

Но Батя ошибался.

Глава 2
Мне знакомо ваше лицо

Военный эшелон медленно полз на восток, как сонная черепаха, тормозя практически на каждом полустанке. Первые сутки, пока поезд двигался по выжженной немцами Белоруссии, еще находились темы для разговора с ближайшими попутчиками – пожилым морщинистым старшиной с желтыми от самокруток усами, капитан-лейтенантом с подлодки и краснолицым майором-летчиком неопределенного возраста. Потом все окончательно напились и уснули. Ярослав тоже спал, сидя в уголке, – все места в вагоне были заняты, – а когда проснулся – просто молча сидел у окна, до самой Москвы глядя на проплывающие за грязным вагонным стеклом пестрые осенние пейзажи. То там, то здесь взгляд выхватывал страшные следы гремевших здесь всего год назад жестоких боев…

В столицу, – шумную, суетную, залитую огнями, – где уже почти ничего не напоминало о войне, поезд прибыл поздно вечером, на второй день. Ближайший ленинградский отправлялся завтра днем, так что ночь пришлось провести на вокзале. Выданный в дорогу сухой паек кончился, но Ярославу удалось разжиться в буфете пустым чаем и купить у бабульки десяток еще теплых пирожков с капустой. Впервые за много лет он смог поесть настоящей домашней выпечки.

Когда пришло время посадки, на перроне было не протолкнуться от желающих уехать в Питер и их багажа. А это означало только одно – вытянуться на жесткой вагонной скамейке в полный рост и поспать хоть часок-другой в горизонтальном положении опять не получится. Нога снова будет болеть. Впрочем, это мелочи. Главное – менее чем через сутки он наконец-то будет дома. В Питере. Правда, дома как такового, в виде собственной крыши над головой, у Ярослава не было с тех пор, как арестовали мать, а он подался в бега. Как не было ровным счетом ничего из вещей, кроме трости и тощего брезентового мешка за плечами. Но Охотник был совершенно спокоен. Потому что искренне, всей е верил – Леонид Иванович Сомов жив. И он обязательно найдет сенсея там же, где и прежде, – в деревне Метелица…

Ярославу, можно сказать, повезло – ему вновь досталось место возле окна, дающее более-менее сносную возможность прикорнуть. Изрядно подустав за время вынужденного пребывания в Москве – ночью он так и не смог сомкнуть глаз, – Охотник протиснулся в угол, сунул трость за столик, подложил под голову вещмешок и, устроившись поудобнее, собрался уже закрыть глаза и вздремнуть, не обращая внимания на шум и гул голосов, как вдруг н е ч т о заставило его сердце дрогнуть, пропустив очередной удар. От свинцовой сонливости не осталось и следа.

Прямо напротив, за столиком, на скамейку опустился невысокий полноватый мужчина лет сорока, в слегка мятой

форме с погонами, которые ненавидело подавляющее большинство настоящих фронтовиков. Только сейчас Ярослав поймал себя на мысли, что он, капитан разведотряда, мастер – теперь уже бывший – рукопашного боя, десятки раз участвовавший в секретных операциях в глубоком тылу врага, оказывается, еще не окончательно потерял способность з а м и р а т ь от чувства внезапно накатившего страха. А ведь еще вчера Охотнику казалось, что он давно забыл, какое оно, чувство страха.

А сейчас взглянул на этого человека и вспомнил.

Севший напротив него черноволосый скуластый мужчина носил форму войск НКВД и был отлично знаком Ярославу, хотя встречались они всего однажды, восемь лет назад, в кабинете ректора Ленинградского университета. Впрочем, этот служака был знаком не только Охотнику. Профессор Сомов тоже имел возможность пообщаться с капитаном Бересневым, когда спустя сутки после ареста матери Ярослава и его исключения из университета в деревню в поисках «беглеца и убийцы» примчалась на грузовике целая группа захвата Чека. Каким-то чудом Леониду Ивановичу и прячущемуся тогда неподалеку от дома, в речных камышах, Ярославу удалось обвести грозного и решительно настроенного Береснева вокруг пальца.

И вот они встретились вновь, лицом к лицу.

Какое-то время – секунды две, не больше, – Ярослав смотрел на капитана в упор, не в силах отвести глаза. Но этого

оказалось достаточно. Угрюмо-безразличный в вагоне к посадочной суете, явно уставший и желающий только одного – спокойного отдыха под равномерный стук колес, Береснев боковым зрением ощутил на себе колючий взгляд попутчика. Скосил глаза в сторону от окна… и – Охотник это понял по его стремительно напрягшимся надбровным дугам – почти сразу же узнал своего бывшего «клиента». Беглого убийцу, которого с тридцать седьмого года органам НКВД так и не удалось разыскать. За прошедшие годы Ярослав, тогда еще носивший фамилию матери – Корсак, сильно изменился. Из стройного спортивного юноши с непослушной челкой и презрительно поджатыми губами он превратился во взрослого мужчину, с болезненно-бледным, покрытым пепельной щетиной скуластым лицом и темными кругами, залегшими вокруг глаз. Постарел, заметно осунулся и сам Береснев. Мужчинам оказалось достаточно всего одного, самого первого взгляда друг на друга, чтобы понять, как серьезно била жизнь каждого из них эти годы…

Береснев сжал челюсти, быстро скользнул взглядом по бревном вытянутой под столом негнущейся ноге Ярослава, перевел взгляд на трость с костяной ручкой. Ухмыльнулся надменно, поняв, что поспешного бегства визави в данной ситуации ожидать не стоит. Это значит, что инициатива целиком и полностью находится на его стороне. Процедил, прищурившись гаденько, по-змеиному:

– Ба! Какие люди! Сколько лет, сколько зим. И вдруг такая

приятная встреча. Долго же ты от нас бегал… студент.

– Извините, – на лице Охотника не дрогнул ни один мускул. – Вы ошиблись. Мы незнакомы.

– Рожа слегка усохла, но вот голос абсолютно не изменился, – в присущей ему хамской манере заметил Береснев. Правая рука чекиста уверенно скользнула к кобуре. Открыла застежку, откинула клапан, нащупала кончиками пальцев рифленую рукоятку пистолета. – Предупреждаю. Не надо делать резких движений, Корсак. Во-первых, со своей палкой ты все равно далеко не ускачешь, а во-вторых – уже слишком поздно. Руки подними!

– Послушайте, товарищ капитан, – лениво, с демонстративной неприязнью процедил сквозь зубы Ярослав. – Это уже слишком. Вы либо обознались, либо просто пьяны. Повторяю еще раз – я вижу вас впервые в жизни и уверяю, что раньше мы никогда не встречались. Уберите оружие…

– Я сказал – руки! – не унимался поймавший кураж Береснев. – Все, сучонок, считай, отбегался!!!

«Вот же сволочь, – мысленно выругался Охотник. – Для начала попробуем внаглую выкрутиться. А дальше – поглядим. Еще не вечер».

Легенда, придуманная – и даже подкрепленная легко проверяемыми «фактами» – Ярославом с профессором Сомовым еще в 37-м, казалась безупречной. Столь же безупречной, как лежащие сейчас в кармане гимнастерки Охотника воинские документы. Личное дело, заведенное на него в

НКВД после ареста матери, стараниями Бати в конце концов все-таки было изъято у взятого за жабры генерала Медведя и немедленно уничтожено лично Шелестовым. Охотник узнал это от командира еще в начале сорок первого года. Посему никаких документальных зацепок для продолжения розыска, пусть чисто формального, у Чека остаться не должно. Однако прояви Береснев инициативу, и «зацепки» можно организовать в два счета. Самое простое – задержать Ярослава на несколько суток, якобы для выяснения личности, поместить в камеру и провести очную ставку с любым человеком, хорошо знающим в лицо бывшего студента Корсака. И – все. Финиш. А ведь именно этого сейчас и добивается Береснев…

Охотник со всей очевидностью понял, что так некстати повстречавшийся ему в поезде и загоревшийся желанием довести дело до конца старый знакомый сейчас имеет уникальный шанс создать ему действительно серьезные проблемы. Парой седых волос и легким испугом уже не отделаешься. От столь неудачливого служаки, как Береснев – за семь лет так и остался в прежнем звании капитана! – легко не отделаться. Вон как рванул, бык твердолобый, словно пылающий танк «Т-34» на вражеские окопы…

Сидящие рядом пассажиры – молоденький, по юности лет явно не успевший нюхнуть пороха и покормить окопных вшей лейтенантик, две сельского вида бабки с плетеными корзинками и огромный, под два метра, плотно сбитый лохмато-бородатый мужик лет пятидесяти, с брюшком, в потер-

том костюме, длинном пальто и облепленных комьями грязи кирзовых сапогах в гармошку – все без исключения, кто со страхом, а кто просто с любопытством, наблюдали за развитием ситуации. Задержание сотрудником НКВД переодетого преступника – такое не часто увидишь. Потом будет о чем рассказать знакомым и родным. Впечатлений хватит на месяцы вперед.

– Я не тот, за кого вы меня принимаете, – твердо сказал Ярослав. – И, раз уж на то пошло, готов немедленно доказать это. Но вначале уберите оружие, капитан. Или по крайней мере снимите палец со спускового крючка. Мы не в тире. И уже, к счастью, не на войне. Хотя там вы, судя по всему, даже близко не находились… Давайте разберемся спокойно. Я, как вы верно заметили, убежать все равно не смогу, даже при огромном моем желании. Стрелять же здесь, в вагоне, вы не станете. Перегородки фанерные. Пуля из «ТТ» может запросто пройти навылет и убить случайного человека. Вам ли, опытному офицеру, не знать таких элементарных вещей?

– Не вешай мне лапшу! И не заговаривай зубы! Я… не мог ошибиться! – скривив губы, выдавил Береснев. Слова эти предназначались не столько сохраняющему видимое хладнокровие и отказывающемуся поднять руки Охотнику, сколько самому себе, для придания бодрости духа, и окружающим. – Однако мы будем соблюдать порядок. Для начала, как положено, проверим документы и вещи, а там видно будет… Эй, лейтенант! – продолжая держать «ТТ» под столом, Бе-

реснев свободной рукой грубо толкнул сидящего рядом громилу, – и вы тоже, товарищ! Только что я, офицер НКВД, на ваших глазах задержал опасного преступника! Сейчас вы, лейтенант, немедленно доложите об этом коменданту вокзала. Пусть возьмет двух милиционеров для конвоя и бегом сюда. Ты, – Береснев сурово посмотрел на здоровяка, – поможешь мне обыскать этого типа. А вы, кумушки, – капитан перевел пылающий азартом взгляд на оторопело примерзших к сиденью старух, – будете свидетелями. Если попытается оказать сопротивление – значит виноват. Я имею полное право стрелять.

Лейтенантик, оставив в вагоне свой чемодан, без лишних слов бросился выполнять приказ старшего по званию. Здоровяк грузно поднялся, готовый приступить к выполнению возложенных на него Бересневым обязанностей.

– Что ж, – вздохнул Ярослав. – Дело принимает такой серьезный оборот… Я вынужден подчиниться. Но предупреждаю – сейчас вы делаете серьезную ошибку, капитан.

– Встать! Выйти из-за стола! Вещмешок к осмотру! – оскалился Береснев. – Все из карманов – тоже! Ты… как вас там?

– Ловчиновский, Семен Карлович, – представился попутчик. Голос у громилы оказался под стать внешности – тяжелый, внушительный бас. – Не волнуйтесь, гражданин начальник. Я до революции в Летучем отряде служил. Слыхали о таком, надеюсь. Так что обыскивать супостатов научен.

– Отлично. Приступайте!..

Ярослав выдернул из-под головы и бросил на стол тощий вещмешок, извлек из карманов гимнастерки военный билет, деньги, предписание о постановке на учет в военкомат, письмо Шелестова другу и положил рядом с мешком. Затем поднял трость, оперся и, прихрамывая, вышел из-за стола на свободный пятачок между скамейками. Ловчиновский, проявляя намертво заученные когда-то навыки сыскаря, в два счета охлопал его со всех сторон, ничего, разумеется, не нашел. Обернулся к Бересневу и отрицательно покачал головой.

– Чист.

– Следи за ним. Если что – разрешаю применить силу, – распорядился капитан.

– Это мы запросто, гражданин начальник, – хмыкнул мужчина. – Вздумает дурить, так по тыкве приложу, мало не покажется!

Береснев, то и дело бросая на Охотника быстрые, осторожные взгляды, не вставая со скамейки, принялся изучать документы и содержимое вещмешка. Полистав военный билет и предписание, злобно скрипнул зубами, фыркнул:

– Значит, десантник? Ярослав Корнеев? Ну-ну. Хоть бы имя другое придумал, что ли.

– Уж какое есть, – бесцветно бросил Охотник. Держался он на удивление спокойно, как человек, изначально уверенный в своей правоте, не проявляя и малейшей тени настоя-

щего беспокойства, и это поведение задержанного откровенно бесило капитана. Но Береснев не собирался так просто сдаваться. Развязав вещмешок, он вытряхнул его содержимое на стол, разгреб для лучшей наглядности – свидетельницы все должны видеть. В мешке оказалась пара чистого белья – трусы с носками, нательная офицерская рубашка, помазок с бритвой, кусок солдатского мыла, жестяная коробочка с мятным немецким зубным порошком «Зефир», сложенный вчетверо конверт с лежащими в нем двумя красными и одной желтой нашивками, означающими боевые ранения, и объемистый кожаный кисет для махорки. Внутри кисета находилось что-то тяжелое и угловатое, на ощупь мало напоминающее табачную крупу. Береснев развязал тесемки и вытряхнул на стол три поблескивающих серебристо-рубиновыми гранями боевых награды – две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды, а также еще одну обтянутую алой материей коробочку. Открыв и увидев ее содержимое, капитан НКВД на секунду потерял дар речи. Медленно положил коробочку обратно на стол, бросил на Ярослава чуть растерянный, заметно подрастерявший первоначальный кураж, блуждающий взгляд. Спросил глухо, пытаясь удержать былую развязную жесткость в голосе:

– Твоя?

– Моя.

– Откуда?

– Оттуда же, что и остальные.

Бывший полицейский сыщик, увидев новенькую звезду Героя, сначала нахмурился, затем тихо откашлялся в кулак и, наконец, произнес, глядя куда-то в сторону грязного окна, мимо глаз Ярослава:

– Прости, капитан. Я думал, ты и впрямь бандит переодетый. Сейчас, после войны, столько всякого сброда в форме по России шастает. Сначала за фронтовиков себя выдает, потом людей грабит… Кто ж знал, что ты – всамделишный?

– Все нормально, Семен Карлович, – примирительно опустил веки Ярослав. – Я вас не виню. Просто товарищ капитан сильно устал за день, вот и померещилось. С кем не бывает.

– Рано извиняетесь, Ловчиновский! Еще ничего не закончилось! – Береснев, разумеется, тут же попытался осадить так поспешно давшего задний ход помощника, но бородач, для которого все стало ясно, вместо ответа только досадливо махнул на капитана рукой, достал из кармана пальто мятую пачку папирос, сунул в зубы бумажную гильзу и направился в сторону тамбура, буркнув напоследок под нос нечто вовсе непечатное. Кому предназначались ругательства – всем присутствующим при инциденте было понятно и без тыкания в грудь указательным пальцем.

– И нас тоже, старых, прости, сынок, – уловив, куда дует ветер, поспешила напомнить о себе одна из старух, тронув Охотника за локоть. Другая, соглашаясь, часто-часто закивала. – И за какие же подвиги тебе столько медалей дали?

Вместо ответа Ярослав только чуть улыбнулся. Дескать,

военная тайна.

– Понимаем, ну, нельзя так нельзя! – поспешила закрыть тему старуха. – Как скажешь, милый… Как скажешь… А я вот… Я на всех троих сыновей, кровинушек моих родненьких, похоронки получила. Первую в сорок втором, последнюю – в сорок четвертом, – старушка всхлипнула раз, другой, а потом, закрыв лицо ладонями, неожиданно громко разрыдалась. Вторая, как могла, принялась ее успокаивать, гладя покрытой платком седой голове:

– Ну, Клавдия, будя, милая… Будя… Не время сейчас-то… Домой вертаемся, там и поплачешь-то вдосталь…

– Я могу забрать свои вещи, капитан? – сурово взглянув на помрачневшего Береснева, с нажимом произнес Охотник.

– К наградам, тем более таким, должна прилагаться наградная книжка, – почти не разжимая челюстей, прошипел капитан. Пистолет жег ему ладонь. Береснев уже понял, что утратил инициативу, но убирать оружие не спешил. Оставалась последняя надежда – на убежавшего за подмогой лейтенанта. Береснев, как мог, тянул время.

– Вы обвиняете меня в присвоении чужой награды? Или в ее краже?! – поднял брови Ярослав. – Это уже слишком. Книжка, разумеется, есть. И оформлена на мое имя, по всем правилам. Только вручить ее вместе с наградой, в госпитале, мне не успели. Но со дня на день она обязательно прибудет спецпакетом в центральный военкомат Ленинграда, где я должен ее получить, – чеканя слова, сообщил Охотник. Он

уже слышал гулкий топот ног, быстро приближающихся со стороны входа в вагон, и терпеливо ждал второй, решающей части схватки.

– Я – комендант вокзала. Майор Степанец. Что здесь происходит? – у прохода с решительным видом остановились двое запыхавшихся милиционеров и худой, рябоватый мужчина лет сорока пяти, в распахнутой шинели. Из-за спин разгоряченных от бега вокзальных блюстителей порядка осторожно выглядывал тот самый, посланный за подмогой, плюгавенький лейтенантик-артиллерист.

Береснев чуть замешкался с ответом, и Ярослав начал первым, кивая на разложенные на столе документы, личные вещи и награды, включая мигом притянувшую взгляд всех трех «конвоиров» звезду Героя:

– Ничего особенного. Просто товарищ капитан обознался, принял меня за переодетого преступника и, не разобравшись толком, послал мальчишку за подкреплением. Если желаете, товарищ майор, можете ознакомиться с моими документами. Они в полном порядке. Я домой возвращаюсь, из Чехословакии. Почти полгода в госпитале…

И тут вокруг Ярослава поднялся настоящий гвалт. Одновременно говорили обе старухи, вернувшийся с перекура вслед за подоспевшей милицией здоровяк Ловчиновский, еще пара-тройка пассажиров, ставших невольными свидетелями инцидента. Береснев, пытаясь перекричать всех, размахивал перед лицом коменданта своим «ТТ» и истерично

требовал «задержать до окончательного выяснения личности» и «сообщить куда следует». Комендант, проявляя завидное хладнокровие и не обращая внимания на окружающее его многоголосье, молча и скрупулезно пролистал военный билет Ярослава, прочитал предписание о постановке на учет в ленинградском военкомате, бегло осмотрел конверт с письмом, окинул взглядом содержимое вещмешка, подержал каждую из наград, дольше других задержав в ладони столь спасительную для Охотника «звездочку», и, наконец, аккуратно вернул ее Ярославу, из рук в руки.

Это был хороший знак.

– Можете ехать, Ярослав Михайлович, – козырнув, сказал Степанец. – Счастливого пути.

Затем майор смерил цепким, уничижительным взглядом клокочущего от негодования и бессилия Береснева, развернулся на каблуках и, уже направляясь на выход, сухо бросил через плечо:

– Не вижу ни малейших оснований для задержания товарища Корнеева, – после чего вместе с зачехлившими оружие милиционерами покинул вагон так же быстро, как и появился.

– Значит, я обознался?! – хрипло выдавил Береснев, лихорадочно зыркая по сторонам. Но его уже никто не слушал. Все просто отводили взгляд. Тогда капитан обратил весь клокочущий в нем гнев на так и не оправдавшего надежд, поддавшегося общему настроению вокзального майо-

ра. – Ну, ладно, ладно, гнида комендантская! За саботаж ты еще у меня ответишь! И вы все, с-суки, тоже ответите!..

С головы состава послышался пронзительный свист паровоза, лязгнула сцепка, заскрипели колеса, и поезд, толчками набирая ход, покатил прочь от перрона Ленинградского вокзала.

На Береснева было противно смотреть. Пунцовый, мокрый от возбуждения, оказавшись в меньшинстве, он вынужден был в конце концов убрать пистолет назад в кобуру, но еще долго, сидя в углу, напротив Ярослава, тихо скрипел зубами, видимо рисуя в своем не на шутку разыгравшемся воображении картины жестокой и скорой мести. Главное, наверняка рассуждал чекист, это прибыть в Ленинград. А там, на своей территории, он покажет всем этим навозным червям, кто в доме хозяин.

Охотник же, мысленно давно взвесивший все возможные последствия этой судьбоносной встречи, о теоретической возможности которой его еще восемь лет назад предупреждал профессор Сомов, уже принял трудное, но единственно возможное в его положении решение по окончательной нейтрализации возникшей проблемы. Он не спеша собрал со стола вещи, спрятал документы в карман гимнастерки, как ни в чем не бывало сел у окна, подложил под голову мешок, скрестил руки на груди и закрыл глаза. Всем своим видом давая понять и Бересневу, и украдкой поглядывающим на него соседям по вагону, что возникший конфликт полностью

исчерпан, а продолжать выяснение отношений с ретивым чекистом путем словесной перебранки он, боевой офицер, не намерен. По известному принципу «не трожь говно – вонять не будет».

Время шло, колеса поезда наматывали километры. Усыпив бдительность окружающих, Охотник, сразу после отправления из Москвы действительно прикорнувший от дикой усталости час-полтора, а затем – лишь старательно изображающий спящего, терпеливо ждал подходящего момента. Ждал долгих семь часов и, наконец, дождался: вскоре после отправления состава со станции Бологое, когда вагон громко сопел на все лады, мучающийся от бессонницы, помятый и опухший капитан в очередной раз встал и пошел курить. Дав Бересневу время в аккурат дойти до тамбура и запалить папиросу, Ярослав тихо «проснулся» и, прихватив трость, отправился следом. Сейчас – или никогда…

На звук открывшейся сзади двери стоящий у чуть тлеющей вагонной печки, окутанный клубами едкого табачного дыма Береснев никак не отреагировал. Однако тотчас обернулся, заметив в дверном стекле, превращенном наружным ночным мраком и тусклой тамбурной лампочкой в подобие мутного зеркала, отражение вошедшего человека с тростью.

– А-а, пожаловал, инвалид, бля… Что, до Ленинграда еще полдороги, а уже поджилки от страха трясутся? – цедя слова и щурясь от дыма, Береснев смотрел на Охотника покрасневшими, слезящимся глазами. Неприязненно смотрел, почти

брезгливо: – Договориться со мной решил, герой, без свидетелей? Шкуру свою спасти? А, студент Корсак?! Ну, давай, валяй, я слушаю!!!

Ярослав, сильнее обычного припадая на раненую ногу, что в условиях постоянно раскачивающегося на рельсах вагона выглядело не столь уж и наигранно, подошел к капитану на расстояние шага, оперся обеими руками на трость и, смерив Береснева долгим, задумчивым взглядом, с головы до тупорылых носков пыльных ботинок, сказал:

– Слушай, капитан, закрывай свой ху…вый цирк. Клоун из тебя уже получился. Всем на зависть. Мы здесь действительно только вдвоем и выеживаться ни перед кем не надо… Я в последний раз повторяю, специально для больных на уши – ты ошибся. Понятно? Всю войну за линией фронта просидел, а дуркуешь, словно пыльным мешком контуженный. Скажи лучше спасибо тому губастому фрицу, который за день до Победы гранату в меня бросить успел, прежде чем сдохнуть. Иначе я бы прямо сейчас вбил твои поганые зубы, вместе с языком, тебе в глотку. Не глядя на погоны. Просто как один русский мужик – другому. За все хорошее.

– Захлопни пасть, щенок! И не пытайся меня одурачить! Да кто ты вообще такой и что ты обо мне знаешь, ты, десантник гребаный?! – взорвался Береснев. Упоминание о принадлежности чекиста к столь презираемым настоящими фронтовиками после войны «тыловым крысам» подействовало на капитана как красная тряпка на бешеного быка. –

Может, мне прямо сейчас в ножки тебе упасть?! Или вытянуться по стойке «смирно» и честь отдать, за то что кровь за Родину проливал?! Ты только скажи, я мигом! Думаешь, я тебя не узнал?! Идиота из меня решил сделать?! Железками прикрыться, да? Не выйдет! Будь твоя звезда хоть трижды настоящая! Ленинград – не Москва! Это – мой город! Как только приедем, я тебя, инвалид ёб…, быстро сдам куда следует! И посмотрим, как ты в камере запоешь! Соловьем или Корсаком!

То ли машинально, по привычке, то ли умышленно пальцы правой руки Береснева снова легли на кобуру.

– Мудак ты, капитан, – тихо сказал Ярослав. – Тебе не в Чека служить – в дурдоме лечиться надо. В палате для буйно помешанных. И таблетки успокоительные горстями пить, чтобы галлюцинации не мучали. А Ленинградом меня не пугай. Не надо. Ты меня своим горячечным похмельным бредом о каком-то Корсаке уже до белого каления довел. Так что не маши своим «тэтэшником». Я, так уж и быть, избавлю тебя, себя – тем более, от участия во второй части спектакля. Прямо с Московского вокзала сам, добровольно, пойду в НКВД, расскажу обо всем, что ты устроил в столице, и попрошу при первой же возможности показать тебя врачу-психиатру. Кстати, дай мне адресок, чтобы время зря не тратить. Давай, диктуй. У меня память хорошая. Ну, чего молчишь? Забыл, где служишь? Совсем, видать, голова больная. Сначала видения преследуют, затем – потеря памяти. Плохи

твои дела.

– Да нет, – словно оттаяв, после короткого молчания зловеще прошептал Береснев. Пальцы капитана, начавшие мелко подрагивать от нервного возбуждения, по-прежнему лежали на клапане кобуры. – Это твои дела плохи… С л а в и к. Устал я тебя слушать. Надоел ты мне. Смертельно надоел. Из-за тебя, недоноска, из-за твоего тогдашнего побега, у меня вся служба боком вышла! Не стал вязать прямо в университете, вслед за матерью-воровкой! Хотя должен был! Нет, пожалел сопляка-отличника! От лагеря верного спас! На допрос на завтра вызвал, хотел постращать немного и отпустить на все четыре стороны… А в ответ ты мне, тварь, в самую душу плюнул! Сбежал. Людей убивать стал, направо и налево… Фамилию – вон! – даже сменить умудрился!.. Ну и что, что потом ты на фронте был, а я вынужден был здесь, в тылу, за продпаек мразь всякую ловить и к стенке ставить?! Да я срать хотел на все твои ордена, ясно?! Мне они до одного места! Сам он в НКВД пойдет, надо же, какой резвый… Ты не так прост, как пытаешься казаться, Корсак… Наверняка уже придумал, как и самому выкрутиться, и меня, до кучи, дураком выставить. Один раз, в Москве, тебе уже подфартило – звезда помогла. Как же! Все железку увидели – и рты раззявили! У кого рука поднимется героя-фронтовика арестовать?! К тому ж хромого калеку?!. Нет, хватит с меня сюрпризов. Никакого НКВД не будет. Я тебя, Славик, прямо здесь порешу! В поезде… А потом скажу, что ты – это ты.

И когда, чудом избежав ареста в Москве, ночью ты пришел сюда, в тамбур, и предложил мне, с глазу на глаз, уладить дело… а я, как и подобает честному офицеру Чека, отказался… ты сразу попытался оглушить меня тростью и завладеть оружием. Но, вот беда, не успел. Получил пулю. А лучше – две. Так оно, согласись, гораздо достовернее выглядит. И – убедительнее… Так что не видать тебе Ленинграда, сучонок! Считай – отковылял свое…

Лежащие на кобуре пальцы правой руки Береснева пришли в движение, отбрасывая клапан и привычно стискивая рифленую рукоятку «ТТ». Было видно, что капитану не впервой экстренно доставать оружие, нащупывать указательным пальцем спусковой крючок и решительно, не дрогнув, наводить ствол на врага. Он умел делать это быстро, четко и хладнокровно. И если бы в эту секунду перед Бересневым, опираясь на палку, стоял кто угодно, кроме Ярослава, жить бы ему оставалось от силы секунда-другая…

Но в тамбуре находился Охотник.

Глядя капитану прямо в глаза, не шевелясь и не моргая, Охотник, при первых признаках неминуемого сосредоточивший основное внимание именно на руке, боковым зрением сразу уловил мельчайшее шевеление пальцев Береснева. И не дал застать себя врасплох, привычно сработав на опережение.

Справедливости ради стоит заметить, что Ярослав мог легко убить капитана сразу же, как только вошел в тамбур,

пока чекист еще стоял к нему спиной и угрюмо дымил папиросой. Он мог убить его и позже, в любую секунду. Но в том-то и соль, что Охотник не хотел просто закрыть проблему – тихо, быстро, без лишних взглядов, слов и телодвижений – как и подобает настоящему профессиональному разведчику-диверсанту. Он специально затеял весь этот разговор на повышенных тонах и, как и ожидал, без малейших трудностей довел противника до точки кипения. Вынудил капитана первым схватиться за оружие с целью его применения и тем самым якобы получил полное моральное право на ответные действия…

В глубине души Охотник и сам отлично понимал: разыгранная им как по нотам сценка – не более чем мишура. Бутафория. Условность. Насквозь фальшивый, притянутый за уши предлог, чтобы лишить человека жизни. Понимал, но – ничего не смог с собой поделать. Так ему было легче…

Ярослав выхватил из трости клинок и всадил его точно под сердце Береснева, когда тот уже успел достать пистолет и его правая рука начала сгибаться в локте, наводя оружие на цель. Отпрянув в сторону и позволив конвульсивно дергающемуся, хрипящему капитану медленно завалиться на пол, Охотник на время оставил клинок в теле, поднял пистолет, быстро повернул замок на двери вагона, распахнул ее настежь и, держась за поручень, высунулся наружу, под тугой свистящий поток холодного ночного воздуха. У насыпи сплошной стеной мелькали смутные тени деревьев. Впе-

реди, прямо по ходу поезда, светились огни моста, а чуть ниже тускло мерцала грязно-серебряной лентой быстро приближающаяся река. Очень кстати. Ярослав отпрянул обратно в тамбур, извлек из кармана на гимнастерке Береснева удостоверение сотрудника НКВД, двумя сильными рывками содрал погоны, сдернул офицерскую сумку, затем сноровисто – не в первый раз – вытащил клинок из мертвого тела, наспех обтер его о гимнастерку и убрал назад в трость. Не без усилий подтолкнул труп Береснева, на груди которого, вокруг смертельной раны, быстро расползалось, увеличиваясь в размерах, багровое пятно, к краю вагона, дождался, когда поезд, взревев гудком, с лязгом влетит на мост, и одним сильным толчком ноги сбросил тело вниз, проследив, насколько это было возможно, за траекторией падения.

Ударившись о край моста, труп подпрыгнул, перевернулся и понесся дальше вниз, навстречу воде. Закончив с капитаном, Ярослав выбросил в реку его пистолет, погоны, служебное удостоверение. Последней, после осмотра, улетела сумка. Ничего, кроме отпечатанных на машинке документов с подписями и печатями, а также мыльно-рыльно-пыльных дорожных принадлежностей, в ней не было. Недель через несколько, когда раздувшийся до неузнаваемости труп, возможно, всплывет и будет прибит к берегу где-то гораздо ниже по течению реки, опознать его будет значительно труднее, чем если бы вышеупомянутые предметы находились на теле…

Захлопнув дверь и повернув рукоятку замка, Охотник придирчиво осмотрел тамбур. Ни единой капли крови. Отлично. Могло быть хуже. Впрочем, выбирать не приходилось. Так карта легла – или он, или этот кровопийца в законе. Третьего не дано. В душе только что хладнокровно забравшего чужую жизнь Охотника не было ровным счетом никаких терзаний. Вообще никаких эмоций. Привык, за четыре года войны…

Покинув тамбур, Ярослав зашел в туалет и тщательно вымыл от крови клинок и трость. Затем обтер их носовым платком и вернулся на свое место. Посидел некоторое время, присматриваясь и прислушиваясь к соседям. Ловчиновский и лейтенантик-артиллерист, забравшись на верхние полки, спали, находясь в тех же позах, что и несколько минут назад. Бабульки вышли еще раньше – на одной из маленьких станций перед Бологим. На противоположной стороне купе, где на верхней полке ютились молодая женщина и ребенок, мальчик лет трех, а внизу вповалку спали «вальтом» двое изрядно принявших на грудь пожилых мужчин, разговаривавших между собой с ярко выраженным вологодским акцентом, тоже никакого шевеления не отмечалось. Тогда Ярослав встал, снял с крючка шинель Береснева, накинул себе на плечи и вновь вышел в тамбур. Вернулся обратно через пару минут, тем же, что и раньше, способом избавившись от последней улики. Других вещей у капитана с собой не было. Видимо, на день всего приезжал в Москву.

– А куда делся этот… краснорожий? – пробудившись раньше остальных, еще до рассвета, и спрыгнув с верхней полки вниз, зевая, поинтересовался у Охотника бывший полицейский сыщик из Летучего отряда.

– Не знаю, – с полным безразличием в голосе и во взгляде пожал плечами Ярослав. – Когда я проснулся, примерно час назад, шинели уже не было. Сошел, наверное, где-нибудь. Или в другой вагон перебрался. Некомфортно ему было здесь, после вчерашнего. Полночи все бормотал что-то себе под нос, курить ходил через каждые пятнадцать минут.

– Не, не вышел. Капитан до конца собирался ехать, – фыркнул бородач, как-то странно, с легким прищуром, косясь на Охотника. – Видать, точно в другой вагон убег. Чтобы, значит, с вами больше не видеться. Стыдно ему, поди, стало за вчерашнее. Устал взгляд-то отводить. Сердитесь на него, а?..

Ярослав чуть заметно хмыкнул. Он вообще больше не произнес ни слова, до самого Ленинграда. Просто сидел, откинувшись на перегородку, подложив под голову вещмешок, сложив руки на груди, и смотрел в окно.

Вот она и началась – тихая и мирная гражданка, подумал Охотник, глядя на проплывающие за стеклом осенние пейзажи и не видя их. Началась со встречи с тем самым единственным человеком в погонах, лицезреть которого снова Ярославу хотелось меньше кого бы то ни было в огромном Питере. Впрочем, возможно, оно даже и к лучшему, что их с Бе-

ресневым извилистые дорожки пересеклись не спустя годы, в абсолютно безвыходной ситуации, а, что называется, у самой входной двери в новую жизнь. Теперь, когда ретивый чекист кормит рыб на дне реки, Ярослав, сколько ни старался, не мог вспомнить имя хотя бы одного человека, который мог бы при желании доказать, что бывший капитан-десантник Корнеев и исключенный из ЛГУ в 37-м году, накануне выпускных экзаменов, студент Ярослав Корсак – одно и то же лицо. Бывшие сокурсники по университету, хорошо знающие Славу, не в счет. Даже если случайно он столкнется с кем-то из них на улице и услышит сакраментальное «привет, как дела», после стольких лет всегда можно сделать удивленный вид, мол, извините, вы обознались. Он знал, что сильно изменился внешне. Настаивать, хватать за руки и тем более преследовать никто из сокурсников, разумеется, не станет. В конце концов можно на месяц позабыть о бритве с помазком и элементарно отрастить бороду…

И все-таки Охотника, находящегося в предвкушении долгожданной встречи с родным городом, не покидало странное чувство беспокойства, словно там за каждым углом мерещится хитрая милицейская или чекистская рожа. Будто он – беглый преступник, тайком возвращающийся на место кровавого преступления.

Интересно, я вообще смогу когда-нибудь жить совершенно спокойно, как до ареста мамы? – грустно подумал Ярослав, проводя ладонью по щеке, ставшей за время путеше-

ствия из Брно колючей, как одежная щетка. И сам себе тут же ответил – вряд ли.

Глава 3
У воров своя правда – у нас своя

Ярославу повезло – прямо на Московском вокзале, стоя перед висящим на стене у билетных касс огромным расписанием движения пригородных поездов, он вдруг совершенно случайно подслушал чужой разговор и узнал, что в направлении Метелицы, оказывается, теперь дважды в день ходит рейсовый автобус. Отправляясь от площади Восстания и двигаясь в южном направлении от города, останавливаясь у каждого столба, автобус делает кольцо в ближайшей к Метелице большой деревне Морозово – хозяйстве колхоза «Бауманский», – от которой до дома профессора всего-то полтора километра! Вот так новость!

Извинившись за невольно подслушанный разговор и подробно расспросив стоящих рядом смуглых, как абреки, хотя и вполне русских на вид незнакомых мужчину и женщину, Ярослав выяснил все, что нужно. Супружеская пара оказалась агрономами, недавно приехавшими по комсомольской путевке из Ташкента и сейчас живущими в Морозово и работающими в колхозе. Они с охотой рассказали, что автобус в Ленинград отправляется первый раз в шесть утра от вокзала, в семь, добравшись до конечной – конторы «Бауманца», – везет людей в город, затем вечером, в половине восьмого, развозит пассажиров обратно в пригород и, наконец,

возвращается в автопарк. При этом его маршрут проходит как раз мимо деревни Метелица. Таким образом и приехать в Ленинград, и уехать восвояси из тех краев можно дважды в день, утром и вечером. И не надо больше каждый раз по часу месить ногами глину до железнодорожной станции и обратно.

– Правда, от Метелицы одни головешки остались и название, – вдруг неожиданно сообщил мужчина, нахмурив брови. – Два десятка пепелищ да закопченные печные трубы. Местные говорили, мол, немцы там в сорок четвертом на высотке целые сутки оборону держали, а наши по ним из пушек били. Воронка на воронке. Вся земля снарядами перепахана. Живого места не осталось.

Ярослав почувствовал, как у него по спине пробежала ледяная волна.

– Только один дом и уцелел, – вздохнула женщина, пригладив коротко стриженные светлые волосы и обняв мужа за руку. – Он в стороне от других стоит, особняком. Те ведь наверху, на господствующей высоте, и только этот – у подножия склона, у самой реки. Правее. Там рядом даже воронок от взрывов почти нет.

Теперь Ярослава прошиб пот.

– У реки? – переспросил Охотник. Голос его стал каким-то придушенным, словно его держали за горло. – Такой синий, с белыми ставнями?! Забор островерхий, во дворе еще сарай, длинный, с металлической крышей?! Он уцелел?!

– Д-да, синий, со ставнями, – кивнула, чуть изменившись в лице, женщина. – Мне учетчица наша, тетя Дуся, говорила, что раньше там самый настоящий профессор жил, из Ленинграда. Одинокий. Потом его, как и всех мужчин, на войну забрали.

– Это мой друг, – сказал, не удержавшись, Охотник. – Простите… а вы часто мимо Метелицы проезжаете?

– Конечно, – вступил в диалог мужчина. – За три месяца, пока мы с Варварой в Морозово живем, посчитай, раз в неделю, туда и обратно – обязательно. А что?

– Шурик, какой же ты, право, не проницательный! – ласково, с укором, пожурила супруга женщина. – Товарищ капитан хочет узнать, живет ли кто-нибудь в доме, или он стоит пустой! Ведь это вполне логично. Я угадала?

– Так… это… Мы же вместе с тобой в прошлую среду, когда вечером из города возвращались, видели дым из трубы! – переглянулся с женой встрепенувшийся Шурик. – Ну, точно! Тогда еще резко похолодало, всего на один день, до нуля градусов! Я еще, помнишь, сказал, что быть такого не может, чтобы справный дом пустовал. Да еще с сараем и баней. Пусть он единственный на всю Метелицу остался, пусть ни одной живой души вокруг, на три километра. Хозяин – если жив на фронте остался – обязательно объявится. Вот он и вернулся.

– Выходит, ваш друг жив-здоров, – глядя на Ярослава добрыми глазами, мило улыбнулась Варвара, чуть кокетли-

во склонив набок головку. – Сегодня вечером встретитесь. Давно, наверное, не виделись?

– Давно, – кивнул Ярослав. – Семь лет…

– Будет повод отметить! – рассмеялся Шурик, шелкнув себя указательным пальцем по горлу. Жена вздохнула, но промолчала. – Если что – заходите в гости. Вместе с профессором. Скоротаем вечерок, под сахарную! Ха-ха! В Морозове вам любой скажет, где узбеки живут. Они нас так, в шутку, за смуглую кожу называют. А мы не обижаемся.

– Спасибо за приглашение, – поблагодарил Охотник. – Обещать ничего не стану. Как получится. Удачи вам. Хорошие вы люди.

– Не за что, капитан, – пожал плечами польщенный агроном. И в долгу не остался: – Это тебе, таким, как ты, – спасибо. Пока мы с Варей на юге по брони, как специалисты, продовольствием фронт обеспечивали, ты за нас немцев бил. Хорошо ведь бил, а, с усердием?

– Нормально, – чуть улыбнулся Ярослав.

– До автобуса еще почти три часа, – напомнила о себе Варвара. – Мы с мужем как раз собирались в кино пойти. Это тут совсем рядом, на Невском. Комедия «Огни большого города», с Чарли Чаплином в главной роли. Пошли вместе?

– Я давно в Ленинграде не был, – признался Охотник. – Только что с поезда. Хочу просто прогуляться. Воздухом морским подышать.

– Значит, встретимся на остановке, – Шурик протянул

руку. Ярослав ответил, крепко, без снисхождения стиснув. Этот загоревший до черноты долговязый парень в смешных очках с толстыми линзами, делающих его похожим на киношного жюль-верновского ловца бабочек Паганеля, ему нравился…

Ленинград, в отличие от столицы, где о войне уже и не вспоминали, выглядел не так свежо, парадно и беззаботно, и по медицинской аналогии скорее напоминал тяжелобольного, который лишь накануне почувствовал себя легче и его перевели из реанимации, где он долгое время пребывал в коме, балансируя на грани жизни и смерти, в отделение интенсивной терапии. После прорыва блокады в великий город как могли вдыхали жизнь. Сняли мешки с песком с памятников, убрали скопившиеся на улицах огромные горы мусора, кое-как подлатали дороги центральной части, чтобы по ним без особого риска могли передвигаться четырехколесные железные кони. Повсюду вывесили уйму всевозможных агитационно-патриотических плакатов и начали по вечерам вновь включать фонари в парках и скверах. Люди выглядели уже совершенно нормально и не напоминали те, показываемые в документальных киножурналах, обтянутые прозрачной кожей ходячие скелеты. Кое-где, особенно на Невском, то и дело мелькали модные шляпки и туфельки на высоких каблучках. Звучала легкая музыка и задорный женский смех. Но даже с поправкой на минувшую войну чего-то весьма существенного, по сравнению с нынешней Москвой, в Ленинграе-

де все же не хватало. Отсутствовало нечто, так характерное для того, прошлого времени. Чего именно не хватало – Ярослав понял не сразу. А когда понял – в груди стало вдруг холодно и неуютно…

В городе почти не встречалось детей и стариков. Хотя в столице их можно было увидеть буквально на каждом шагу. Основную массу снующих по тротуарам прохожих составляли вполне зрелые и крепкие люди, от двадцати до пятидесяти. Значительно реже попадались на глаза девушки школьного и студенческого вида и дымящие папироской, по-мужски серьезные и рано повзрослевшие угловатые подростки с редким пушком, пробивающимся над верхней губой. Охотник гулял по центральной части Питера добрых два часа, но так и не встретил ни одного малыша до десяти лет и увидел всего двух очень пожилых людей – сидящую на скамейке в парке и держащуюся за руки семейную пару. И все!

Большинство стариков не смогло пережить блокаду, детей вывезли в эвакуацию на Урал. Да многих так там и оставили, в детдоме, узнав, что возвращаться им не к кому: все родные погибли или умерли с голоду. А новорожденных, появившихся на свет за три года блокады и сумевших благополучно дожить до первой мирной осени сорок пятого, вряд ли набралось бы с дюжину на весь некогда трехмиллионный город…

К площади Восстания Ярослав вернулся если не угрюмым и подавленным, то уж опустошенным – это точно. Но стоило

ему вновь увидеть стоящих на остановке автобуса Шурика с Варей, как хандра сразу улетучилась. Охотник понял – что-то случилось. Агроном выглядел таким жалким, а его молодая жена такой растерянной и виноватой, что их, как сломавших любимую игрушку детей, хотелось прижать к груди, поцеловать в щечку и погладить по головке, шепнуть на ушко что-то ласковое и успокаивающее.

Причина столь разительной перемены настроения новых знакомых выяснилась быстро.

– Мы решили тоже в кино не идти, – вытирая глаза платочком, поведала Варвара. – Сели в трамвай, чтобы проехать две остановки, до магазина писчебумажных товаров. Я хотела большой альбом купить, для рисования. И краски.

– Она у меня не только свекловод с дипломом, но и художница к тому же, – печально хмыкнул Шурик. – Между прочим – очень хорошая…

– Что сумка порезана, а из нее кошелек с деньгами и карточками пропал, я только в магазине обнаружила! – всхлипнула Варя и закрыла лицо руками. – Как теперь жить?!

– Понятно, – нахмурился Ярослав. – Карманники. Вы в милиции были?

– Конечно, – кивнул Шурик. – А что толку? Написали заявление. Старшина сказал, что у них в участке только за последнюю неделю мы уже семнадцатые, кто в трамвае кошелька лишился. В районе целая банда работает. Э, да что тут теперь? – махнул рукой агроном. – Хорошо еще, что в селе, не

в городе живем. Еда какая-никакая всегда найдется. До конца месяца не так уж много осталось, перебедуем как-нибудь. Потом в колхозе зарплату и новые карточки дадут. Просто обидно, понимаешь, капитан? Одни люди работают честно, спину гнут, а другие… к стенке бы их, сволочей, поставили, дали автомат и сказали, что ничего мне за это не будет – всех бы очередью покосил!

– Это ты сейчас так говоришь, – покачал головой Ярослав. – Через сутки ты остынешь и будешь смотреть на вещи значительно трезвее. К тому же… Думаешь, это так просто – очередью по людям, из автомата? Тем более безоружным, у стенки. Даже если это – ворье, на котором пробы ставить негде.

– Наверное, ты прав, – помолчав пару секунд, вынужден был согласиться агроном. – Только… где тогда социалистическая справедливость?! Почему одни должны трудиться, а другие – их обчищать, и, довольные, пропивать за один вечер в бандитской малине то, за что образованные люди месяц грязь сапогами месили?!

– А кто тебе сказал, что мир справедлив? – Охотник пристально взглянул в глаза парня. – Кто сказал, что добро должно всегда побеждать зло, как в детской сказке? Нет, Шурик. Мир со дня его сотворения был, есть и останется жестоким и беспощадным. И чем раньше ты это поймешь, братишка, тем легче тебе будет.

– В смысле? – не понял агроном. Его жена, внимательно

слушающая вдруг принявший совсем неожиданный ход разговор двух мужчин, перестала плакать и внимательно смотрела на Ярослава.

– Будешь спокойнее относиться к происходящему, – пояснил Охотник. – Переделать этот мир мы не в силах. Мы – лишь его малая часть. Песчинка. И обречены жить по раз и навсегда установленным законам. Значит, нужно принимать мир таким, каков он есть. А понятия «справедливость» не существует в принципе. Это иллюзия. Читай басни дедушки Крылова из школьной программы по литературе. Помнишь: «У сильного всегда бессильный виноват… А виноват ты в том, что хочется мне кушать… Сказал – и в темный лес ягненка уволок». За абсолютную точность цитаты не ручаюсь, но главное – смысл.

– Сам придумал? Насчет справедливости? – грустно улыбнулся Шурик.

– Нет, – спокойно ответил Ярослав. – Это древняя китайская философия. Лао-Цзы.

– Легко сказать – принимай таким, каков есть, – хмыкнул Шурик. – А если мне не нравится, что у моей жены вор украл кошелек?! А милиция ничего не может сделать. Тогда как быть? Простить этого урода? Как боженька завещал: прости убогих, ибо они не ведают, что творят?

– У вора своя правда. Он считает, что имеет полное право украсть твой кошелек. Значит, ты имеешь полное право на свою правду. Он выследил твой кошелек и взял его. Найди

его и накажи, если сможешь. Жаловаться в милицию на выбитые зубы он не пойдет. Но отомстить обязательно попытается.

– Если бы это было так легко, милиция их бы давно всех переловила, – пряча влажный платочек в карман легкого пальтишка, заметила Варвара.

– А кто сказал, что должно быть легко? – пожал плечами Ярослав. – Даже Ленин писал: весь мир – борьба. Или это Маркс? Не помню.

– Действительно. Покой нам только снится, так что ли?

– Примерно.

– Знаешь, ты интересный собеседник, капитан, – улыбнулся Шурик. – У нас в Морозово таких днем с огнем не найти. Народ в большинстве своем темный, забитый и невежественный. И лентяи – каждый второй. Не считая каждого первого пьяницы… Так что предложение насчет гостей остается в силе. Между прочим, товарищ капитан. Мы уже целых три часа знакомы, а я и Варя до сих пор не знаем, как тебя зовут. Это секрет?

– Меня зовут Ярослав. Можно просто Слава, – Охотник во второй раз пожал руку агронома, улыбнулся девушке. – Как зовут вас, я знаю. И даже знаю, где вы живете.

Дружно рассмеялись. Об украденном в трамвае кошельке с деньгами и карточками вслух уже никто не вспоминал. По крайней мере в ближайший час.

– А вот и автобус, – оживилась Варя.

К остановке, на которой уже столпилось десятка два с лишним пассажиров откровенно сельского вида – с котомками, мешками и рюкзаками – моргая сигналом поворота, подъехал скрипящий всеми сочленениями старенький синий автобус. Они вошли почти самыми последними, пропустив вперед особо нетерпеливых, активно работающих языком и локтями, боящихся не успеть крикливых теток и помятых мужиков. Таковых на остановке оказалось большинство. На трость в руке Ярослава никто из колхозников даже внимания не обратил – эка невидаль! Когда один из мужиков, пытаясь раньше соседей протиснуться к единственной узкой двери, от души засветил обитым железом краем фибрового чемодана Охотнику прямо в собранное по кусочкам колено, Ярослав едва не задохнулся от застрявшего в груди стона. Боль была адская. На глаза мгновенно навернулись слезы. Стоявший рядом Шурик все видел, все понял и, пытаясь хоть как-то поддержать побледневшего сильнее обычного Ярослава, крепко стиснул пальцами его плечо. Хороший все-таки парень, этот агроном.

Места внутри автобуса, хоть и впритык, но хватило и людям и вещам. Водитель собрал плату, выдал билеты. Выпустив облако едкого дыма и дважды чихнув, автобус медленно, словно нехотя отошел от поребрика и влился в жиденький поток бегущих вокруг площади Восстания автомобилей, взяв курс на юг…

Время в пути, как это часто случается во время прият-

ного разговора, пролетело незаметно. Ноющая боль в колене потихоньку притупилась и почти исчезла. Когда частично опустевший автобус выполз из жиденькой березовой рощицы и начал, надрывно урча изношенным мотором, с черепашьей скоростью взбираться на высокий, так хорошо знакомый Ярославу крутой холм, весь покрытый пепелищами и изрытый воронками от снарядов, Охотник, как мог, попытался унять вдруг начавшую сотрясать все его тело противную дрожь. Но не сумел. Все внутренние органы – сердце, легкие, печень – мелко вибрировали, словно от холода. Охватившее его перед долгожданной встречей с сенсеем нешуточное волнение оказалось столь сильным, что перед ним меркли даже эмоции, испытываемые Ярославом когда-либо во время выполнения боевых заданий в глубоком тылу врага. Впрочем, «на прогулке» он, за редким исключением, всегда оставался абсолютно спокоен и сосредоточен на выполнении задачи, как лишенная нервов бездушная боевая машина.

Здесь и сейчас все было совершенно иначе.

Глава 4
Итак, она звалась Светланой

Тепло попрощавшись с новыми знакомыми и в третий раз услышав от Шурика и Варвары настойчивое приглашение заходить в гости, вместе с другом-профессором, Ярослав закинул на спину вещмешок, подошел к двери и попросил водителя остановить автобус у подножия холма. А сам, спустившись на ступеньку, уже ни на мгновение не сводил глаз с показавшегося впереди дома. Полыхавшая вокруг война каким-то чудом обошла стороной этот благословенный, словно заговоренный молитвами-оберегами клочок земли у реки. Дом Сомова выглядел точно так же, как семь лет назад, в день, когда Охотник покинул его. Разве что отсутствовала крыша над прикрытым сейчас тремя досками колодцем, а возле сарая, где находился их домашний спортзал и гараж для мотоцикла профессора, зияла огромная воронка от разорвавшегося снаряда. Сам сарай с этой стороны слегка обгорел, покосился, но – устоял…

Покинув покативший дальше, в Морозово, автобус, испытывающий внутренний трепет Ярослав терпеливо переждал, пока осядет густое облако серой пыли, перешел грунтовку и, на секунду остановившись напротив калитки, решительно распахнул ее и направился по выложенной булыжниками дорожке к крыльцу.

То, что дом обитаем, было заметно с первого взгляда. Странным – хотя, как посмотреть, – было другое: Ярослав сразу обратил внимание, что на вбитых во дворе, соединенных веревкой толстых жердях кроме простыни, наволочки и пододеяльника сушилось несколько определенно женских вещей. Например – ночная рубашка в синий горошек.

При виде столь необычного для холостяцкого профессорского дома предмета Охотник не смог сдержать улыбки: «Любопытно. Выходит, Иваныч времени даром не терял! Вот жук!»

Поднявшись на крыльцо, пьяный от накатившего сразу вслед за волнением ощущения всепоглощающего счастья, Ярослав набрал полную грудь воздуха и громко постучал в дверь. Подождал немного и, не услышав ответа, постучал еще раз. Громче, напористей. Тишина. Дернул за ручку. Дверь оказалась заперта. По-хозяйски пошарил рукой в углублении над косяком, сразу нашел знакомый даже на ощупь длинный фигурный ключ – а где же ему еще быть? – и, недолго думая, собрался уже вставить его в замочную скважину, как сзади его неожиданно окликнули.

– Эй, солдатик! Ты, случайно, дверью не ошибся? Здесь я живу.

Ярослав обернулся, и брови его удивленно поползли на лоб. Возле сарая, с ведром в одной и удочкой в другой руке, стояла и без малейшего страха разглядывала его темноволосая, миниатюрная, как Дюймовочка, стройная и – что там! –

просто чертовски красивая девушка лет восемнадцати-двадцати. Даже сугубо сельская мода – а девчушка была одета в платье, теплую вязаную кофту, длинный, почти до колен, ватник и тяжелые резиновые сапоги – не смогла скрыть юного очарования ее лица и привлекательности фигурки с прорисованными под кофточкой маленькими упругими грудками. Девушка была столь милой, что Охотник невольно залюбовался, упустив секунды для ответа. Так что не дождавшейся объяснений, решительно шагнувшей к дому девушке пришлось обращаться к незваному гостю во второй раз:

– Эй, как вас там… капитан, вы в порядке? Неважно выглядите, если честно. Бледный, усталый. Вы к кому, я вас спрашиваю?

– Я в порядке, – ответил Ярослав, пристально вглядываясь в лицо подошедшей девушки и с удивлением и странным ощущением, что они уже давно знакомы, подмечая в ее лице так хорошо знакомые черты. Голубые глаза. Изгиб губ. И даже уши – все это он уже видел!

– Вообще-то я приехал к профессору Леониду Ивановичу Сомову. Он скоро будет?

– А… – слова Охотника – это было очевидно – застали девушку врасплох. – А вы ему… кто? – наконец взяв себя в руки, осторожно спросила она, подойдя к самым ступенькам, положив удочку на скамейку у крыльца и поставив на землю наполовину заполненное водой ведро с плавающими в нем тремя упитанными рыбками. Кажется – окуньками.

– Я друг Леонида Ивановича, – сообщил Ярослав, силясь сделать из увиденного хоть какой-то логический вывод, но пока, увы, неудачно. – Меня зовут Ярослав. Если вы здесь живете, то, возможно, профессор вам рассказывал об мне.

– Ярослав?! – судя по реакции, его имя было девушке действительно знакомо. Услышав его, она как-то резко подобралась, сначала вильнула взглядом в сторону, а потом с неприкрытым любопытством стала разглядывать Охотника с головы до ног. – А… ваша фамилия, случайно, не Корсак? Вы – бывший папин студент, тот самый, которого выгнали из университета?! А потом… ну…

«Папин? Она сказала «папин»?! – Ярослав вздохнул, тыльной стороной ладони вытер со лба пот, с видом человека, только что решившего для себя трудную задачу. – Так вот, оказывается, в чем дело! А ларчик просто открывался. Это же Светлана! Дочь Иваныча, из Москвы!»

– Угадали. Это я и есть, – кивнул, улыбаясь, Охотник. С дочерью сенсея, которой обычно скрытный Сомов почему-то решил доверить их общую тайну, можно было держаться свободно. Однако Ярослав все же попросил: – Только, пожалуйста, Света, не называй меня больше Корсаком. Никогда. Это… слишком опасно. Теперь у меня другая фамилия. И совсем другая жизнь. Я – Корнеев.

– Да, простите! Конечно… Я… просто немного растерялась, когда вы себя назвали. Это так неожиданно!.. Значит, папа вам тоже обо мне рассказывал?!

– И не раз. Со всеми подробностями. Трагичная история.

– Это вы насчет первого маминого мужа, который погиб во время ограбления Торгсина? Да, наверное, – без особой печали согласилась Света. – Но я не виню папу. Совсем не виню. – И, желая, видимо, сменить трудную тему, спросила, сверкнув глубокими, как океан, голубыми глазищами, в которых при желании можно было запросто утонуть. – Значит, мы с отцом действительно очень похожи? Мама однажды сказала – одно лицо, – кокетливо улыбнулась девушка, вновь беря ведро и поднимаясь по ступенькам к двери в дом.

– Ну, не так чтобы одно, – пожал плечами Охотник. – Вы ведь все-таки девушка, молодая, красивая, а он – мужчина, в возрасте. Но определенное сходство в чертах лица я уловил сразу же. У вас с Иванычем глаза и… простите… уши одинаковые.

– Это я знаю, – кивнула, соглашаясь, Света. – И, между прочим, не извиняйтесь. Мои замечательные ушки мне очень даже нравятся!

– Мне тоже, – согласился Охотник. – Вы вообще девушка симпатичная. Если не сказать больше.

– И это для меня тоже не секрет, уже класса с пятого, – поджав губки, вздохнула Света. – А когда чуть постарше стала – так вообще, хоть на улицу не выходи. Все парни сразу знакомиться лезут. В кино, на танцы и на каток зовут… Ну, что же вы стоите столбом? Открывайте. Вам же не впервой. Вон, даже где ключ лежит – и то не забыли.

– Точно, – Ярослав повернул торчащий в замочной скважине ключ, распахнул скрипнувшую дверь и пропустил Свету за порог.

– Электричества пока, к сожалению, нет, – сказала дочь сенсея, зажигая стоящую на полочке в сенях керосиновую лампу. – Провода оборваны. В колхозе говорят, пока в Метелице домов пять не отстроится, тянуть линию из Морозово нет смысла. Вот и приходится – по старинке. С коптилкой. Сейчас еще ничего, а зимой, когда в три часа темнеть будет, здесь совсем тоскливо станет. Не то что в Москве. Впрочем, я к деревне уже привыкла. За три месяца…

– Света?

– Что?

– А отец, он сейчас где? В Ленинграде? В университете? Ну, в смысле, я спрашиваю, когда обещал вернуться? Это я к тому, что автобуса на Морозово сегодня уже не будет. – Ярослав вслед за девушкой прошел в кухню, снял вещмешок, положил в угол и сел на табурет. Огляделся, провел пальцами по темной бревенчатой стене дома. Прошептал чуть слышно:

– Так долго мечтал, как вернусь, а приехал… и кажется, что будто не было этих семи лет. И войны – тоже не было. Словно я и не уезжал никуда. Как сон кошмарный… Так, я не расслышал, когда Иваныч вернется?

Света поставила ведро с рыбой на скамеечку у печи, сноровисто бросила в топку несколько лежащих тут же полешек, зажгла огонь, наполнила чайник, поставила греться, села за

стол и, подперев подбородок руками, посмотрела Охотнику прямо в глаза.

– Папа еще не вернулся. Совсем не вернулся. С фронта, – прошептала девушка. Голос ее дрогнул. – Я с июля его тут жду. Все думаю – вот, завтра он обязательно приедет. А папы все нет и нет. Сейчас вас заметила, со спины, в военной форме, аж сердце от счастья подпрыгнуло. А потом пригляделась, поняла, что это не папа, и так грустно стало, что сразу плакать захотелось. Если бы на вашем месте оказался любой другой человек – точно бы разревелась…

– То есть… – сглотнул ком в горле вмиг похолодевший, застывший Ярослав. Ему показалось, что дощатый пол у него под ногами дрогнул, закачался из стороны в сторону, словно при землетрясении. Свет стоящей на столе керосиновой лампы моргнул, расплылся, рассыпался на тысячи бликов. – Ты хочешь сказать, что живешь тут совсем одна?! Уже три месяца?!

– Да, – тихо отозвалась Светлана. – Я приехала в Ленинград пятнадцатого июля. Как только получила аттестат об окончании школы. Вы, видимо, не знаете… Мы с папой встретились еще в сорок первом году. В мае. Откуда он узнал, что мой отчим Навицкий погиб при испытании нового самолета, я не спрашивала… Просто папа вдруг неожиданно приехал в Москву, подождал меня возле школы, подошел, сказал, что он – мой настоящий отец, отвел в парк и все-все рассказал. С начала и до конца. Как за несколько лет

до моего рождения из-за него погиб первый мамин муж. Как они с мамой встретились на Арбате, полюбили друг друга, затем поженились, как мама рассказала отцу об обстоятельствах гибели ее первого мужа и о случившемся вслед за этим известием выкидыше, а он сразу все понял… Как со слезами на глазах она сообщила, что беременна. Что им наконец-то удалось, и у них будет ребенок. Как мучимый угрызениями совести отец не выдержал и рассказал свою часть правды о том роковом дне, на Покровке. Как мама в истерике несколько минут подряд била его по лицу, а он сидел перед ней на коленях и даже не сопротивлялся. Терпел… Как потом она успокоилась и сказала, что прощает его, но жить вместе с папой больше не сможет и ребенка воспитает самостоятельно. А если он еще хотя бы раз появится ей на глаза или, не дай бог, начнет приставать к ребенку, мама немедленно пойдет в Чека и все расскажет… Папа рассказал мне о том, как на протяжении двенадцати лет, по несколько раз в год, приезжал из Ленинграда в Москву, чтобы иметь возможность хотя бы на несколько минут, издалека, понаблюдать за мной. Как я расту, как меняюсь… Раза два или три за это время его слежку замечали мама и бабушка и смотрели такими глазами, что он понимал – вздумай он заговорить со мной, и мать тотчас исполнит обещанное… Он знал, что не сможет прятаться всю жизнь. Рано или поздно он не выдержит, признается и отдаст свою участь в мои руки. Папа хотел только одного, – чтобы я к тому времени перестала быть ребен-

ком, чтобы стала достаточно взрослой… Видимо, он посчитал, что четырнадцать лет – подходящий возраст. Приехал и все мне рассказал.

– А мама и отчим были в курсе вашего разговора? – спросил Ярослав, когда Света замолчала, подошла к печке, чтобы поворошить дрова.

– Навицкий незадолго до этого погиб, на Украине. Во время испытания нового самолета. Я всегда знала, что он – не мой отец. Хотя в семье об этом никто не говорил. Я просто интуитивно чувствовала, что «папа Витя» – чужой… Потом, по мере взросления, я не раз слышала разговоры, которые украдкой вели между собой мама, отец и бабушка, и окончательно поняла, что Навицкий – отчим. И что где-то есть живой и здоровый настоящий отец. Лет в семь я наконец решилась и напрямую спросила мать – где мой настоящий папа? Она не стала врать, просто сказала, что, мол, настоящие отец и мать для ребенка это не те, кто его родили на свет, а те, кто воспитали и подняли на ноги. И что я еще слишком мала, чтобы знать всю правду. Когда-нибудь, когда я вырасту, она сама мне обо всем расскажет. Помню, я еще тогда уточнила – сколько мне будет лет, когда я «вырасту»? Мама сказал что взрослым может считаться тот, кто окончил школу и получил аттестат зрелости… Но у папы, видимо, на этот счет было другое мнение. Когда он приехал, мне было четырнадцать. Тогда он и рассказал мне, что живет в Ленинграде, преподает немецкий язык в университете, и даже объяснил,

как найти его дом в Метелице.

– Прости, но ты не ответила, – мягко напомнил Охотник. – Как мама и бабушка отреагировали на вашу встречу с Иванычем? Ты им рассказала?

– Конечно. Но папа и не просил молчать. Рано или поздно это должно было случиться. Они, разумеется, были в бешенстве. Сначала мать готова была его убить. Или пойти и сообщить в Чека. Но потом умные люди, в лице подруги-соседки, ей объяснили, что в этом случае она сядет в тюрьму вместе с папой. За то, что знала о совершенном преступлении и не донесла об этом куда следует. Тогда мать успокоилась. А спустя месяц началась война. Стало уже не до выяснения отношений.

– Вы оставались в Москве?

– Да, – кивнула Света. – Мама работала в какой-то организации, связанной с поставками продовольствия на фронт. Мы не уезжали даже тогда, когда немцы стояли под самой Москвой. Все были уверены, что город отстоят. Так и вышло. Хотя «зажигалки» на крышах тушить приходилось… А папа… Он писал мне письма с фронта. Я ему отвечала. Я схитрила. Когда мы с папой расставались, то договорились, что будем переписываться. Я ему буду писать на главпочтамт, до востребования. А он мне – на адрес моей подружки, Вики. Обменялись одним письмом, потом началась война. Следующее я получила уже с фронта, осенью.

– И… до какого времени вы переписывались? – с холод-

ком под сердцем спросил Охотник. – Когда ты получила последнее письмо?

– До сорок третьего письма приходили более-менее регулярно, – ответила Света. – То нет целый месяц, потом сразу три. Осенью сорок третьего совсем прекратились, почти на полтора года. Я места себе не находила. Плакала ночами в подушку. Молилась, втайне от мамы, за его спасение. Меня подружка научила, у них в семье все были верующие. А в самом конце войны я вдруг получила очень странное письмо. Очень короткое. Всего несколько строчек. Без обратного адреса. Отец писал, что с ним все в порядке, чтобы я не волновалась. Он извинился за долгое молчание, сказал, что обстоятельства вынуждают его задержаться, но скоро он обязательно вернется. И назначил мне встречу. Здесь, в Метелице. Пятнадцатого июля. На мой день рождения, восемнадцать лет.

– И ты приехала, – опустив хмурый, задумчивый взгляд на чисто выметенный пол избы, прошептал Ярослав. – А Иваныч так и не вернулся…

– Да. Когда я увидела, что дом заколочен, то сразу пошла в колхозную управу. Сказала, что я дочь профессора Сомова, приехала к отцу из столицы. Председатель у меня даже паспорт не спросил. Помню, сказал только, что «мы с Иванычем очень похожи». Потом без лишних предисловий встал, достал из шкафа папку и показал мне извещение с фронта, где говорилось, что отец пропал без вести аж осенью сорок

третьего. Представляете?! Как раз тогда первый раз прекратились письма! В общем, председатель с кислым лицом выразил мне соболезнования и посоветовал возвращаться назад, в Москву. Но ведь я абсолютно точно знала, что папа жив! А он не знал!

– Ты ему, я так понял, ничего не сказала?

– Нет, конечно. Слишком странным было то, последнее, письмо. Такое чувство, будто отец писал его… как бы это сказать… то ли второпях, то ли тайком. Даже подходящего слова не подобрать… Я тогда просто сказала, что в любом случае хочу на лето остаться здесь, в Метелице. Как совершеннолетняя, я имела право пожить одна в пустующем доме отца. Товарищ Васюк, конечно, сначала очень удивился. Затем стал меня отговаривать, пугать ужасными бытовыми условиями, отсутствием регулярного сообщения с городом и электричества. Дескать, я, коренная москвичка, дочь профессора, привыкла к столичным удобствам и даже неделю здесь не выдержу. В окружении пепелищ. До ближайшего магазина и телефона – три километра пешком. В любую погоду. И, случись что, ни одной живой души рядом. Хоть караул кричи. Но я настояла на своем – хочу, и точка. В конце концов Илья Кузьмич махнул рукой и даже согласился временно, пока не прислали «специалиста с дипломом», взять меня на работу в колхозную библиотеку. Это, значит, чтобы я, как работающая, имела право на продуктовые карточки. Дал ключ от дома, папа сдал его при уходе на фронт. С тех

пор я здесь. Работаю в крохотной библиотеке, где всего-то тридцать семь читательских карточек и четыре сотни книг. С хвостиком. В следующем году, если получится, собираюсь поступать в ленинградский университет.

– А как же мать?

– Она знает мой характер. Я всегда была упрямая. Если я что-то решила – то отговаривать бесполезно. Так что Наталья Станиславовна давно смирилась. Очень надеется, что, как только наступит зима, я отсюда непременно сбегу назад, в Москву. Сама говорила… Иногда, когда я бываю в Ленинграде, захожу на телеграф, на переговорный пункт, созваниваемся… Ей сейчас не до меня, если уж на то пошло. У моей мамы медовый месяц и новый муж. Шестидесяти трех лет. Толстый, лысый, вечно потный, да к тому же еще и картавый. Зато – целый генерал! Интендант. Так что они с мамой – почти коллеги… Всю войну в Генштабе бумажки подписывал, куда и сколько солдатских сапог, ремней, шинелей и портянок отправить. Ну, нравятся ей люди в форме, что тут поделаешь, – развела руками Света и улыбнулась. Грустно так улыбнулась.

Некоторое время они молчали. Первым нарушил тишину Охотник. Спросил задумчиво:

– У тебя последнее письмо отца с собой?

– Нет. К сожалению, забыла в Москве. Случайно, – виновато поджала губки девушка. – Вы что, мне не верите?

– Верю, Света, не волнуйся. Каждому слову верю, – успо-

коил Ярослав. – Ладно, к письму Иваныча мы еще вернемся. Очень оно меня заинтересовало… Однако в твоем рассказе, малыш, есть другая загвоздка, – лоб Ярослава резко прорезали три глубокие морщины. Охотник пристально, почти жестко, испытующе взглянул на девушку.

– Я не понимаю… – растерялась Света.

– Ты, к моему огромному удивлению, хорошо знаешь мою институтскую историю. И, как я догадываюсь, даже некоторую часть ее бурного продолжения. Если вы с Иванычем с сорокового года не виделись, то как же ты узнала обо всем, в таких подробностях, включая мою старую фамилию? В письмах с фронта отец тебе об этом не писал. Да и… мне что-то с трудом верится, чтобы такой серьезный человек, как профессор Сомов, вдруг настолько двинулся рассудком, что вот так, запросто, взял да и посвятил свою родную дочь в наши… скажем так… сложные дела прошлых лет, за одно только знание о которых тебя при определенных обстоятельствах могут запросто отправить сначала в Чека, а затем – в лагерь. Вот в чем заключается нестыковочка. Так что, будь так добра, проясни ситуацию. А то, знаешь ли, поневоле всякие жуткие вещи в голову лезут. Уж извини за прямоту, малыш. Говорю как есть…

– Я ни чуточки не сомневалась, что вы обязательно зададите этот вопрос. Иначе и быть не могло. Все на самом деле очень просто. Хотя и достаточно необычно, – интригующе ответила Света, судя по выражению лица – ничуть не сту-

шевавшаяся, когда поедающий ее в упор взгляд Ярослава на мгновение ощутимо потяжелел. Девушка лишь мило улыбнулась гостю, чем сразу обезоружила Охотника, и во всех подробностях поведала еще одну любопытную историю, произошедшую с ней во время трехмесячного пребывания в доме отца.

Глава 5
Дневник сенсея

– Как и всякая женщина, вне зависимости от возраста, я ужасно любопытна, люблю везде сунуть свой носик, – призналась Светлана, чуть смутившись то ли от самого факта, то ли от того, что назвала себя женщиной. – Что есть – то есть. Как только я оказалась одна в папином доме, разумеется, сразу же принялась изучать его содержимое. Хотя, если не считать огромного количества книг и вашего самодельного спортивного уголка в сарае, смотреть здесь, в общем-то, не на что. Отец жил довольно аскетично.

– Это точно, – согласился Ярослав. Тут же махнул рукой. – Извини. Продолжай.

– Однажды, перебирая книги на самой верхней полке, в дальнем углу, – Света указала рукой в нужном направлении, но быстрый взгляд Охотника уже опередил ее, – я случайно обратила внимание на стеллаж. Точнее, на его не совсем обычный вид. Правая боковая стойка показалась мне странной. Я внимательно пригляделась к ней и обнаружила, что она не цельная. В торцевой части находится что-то вроде заглушки. Тщательно пригнанной. С первого взгляда можно и не заметить. Я попыталась поддеть ее пальцами, но безрезультатно. Тогда спустилась вниз со стремянки и на всякий случай осмотрела другой верхний край стеллажа. Ниче-

го подобного там не было. Просто цельная сосновая доска. Это меня окончательно заинтриговало. Я вновь поднялась и вскоре обнаружила – точнее, нащупала – с дальней стороны стойки крохотный гвоздик, плотно вставленный в просверленное отверстие. Он, как выяснилось, выполнял роль ключика. Вынув его, я с легкостью приподняла заглушку и обнаружила внутри стеллажа пустоту. Тайник. Там лежали две общие тетрадки. С первых строчек стало ясно, что это дневники отца. Он вел записи с конца тридцать пятого года. Одна тетрадь оказалась исписанной полностью, другая – на две трети. Вот откуда я узнала о студенте по имени Слава Корсак. И – не только…

– Невероятно. Вот уж никогда бы не подумал, что сенсей ведет дневник, как барышня-гимназистка, – чуть растерянно потер виски Охотник. Добавил, шумно вздохнув: – Хотя, если вспомнить получше, несмотря на всю свою видимую жесткость… Я почти сразу после нашего знакомства понял, что Леонид Иваныч – человек немного сентиментальный. Только такие, как правило, ведут личные записи.

– Ярослав, вы….

– Давай на ты, ладно? – протянув руку над столом и тронув Свету за ладонь, предложил Охотник. – Так гораздо легче. Иваныч для меня был как отец. Да и по возрасту у нас с тобой не такая уж большая разница. Мне ведь всего тридцать. Хотя, знаю, внешне я выгляжу гораздо старше.

– Да, конечно. Нет, не в том смысле, что старше… Дей-

ствительно, будем на ты. Слава… Я уверена, что ты хочешь почитать дневники отца. Не столько из любопытства, ведь обо всем, что тогда происходило, ты сам знаешь не хуже отца, сколько из желания узнать, что именно мне известно о ваших сокровенных делишках. Сразу предупреждаю – очень многое. Папа оказался педантичным летописцем, – девушка улыбнулась.

– Что ж, спасибо, обрадовала, – качнул головой Ярослав, словно поклонился. – Теперь еще за тебя, дуреху, переживай. Не было печали. Вот уж сунула свой носик, так сунула.

– Я же обещала, что буду молчать, – обиженно надула губки Света.

– Кто бы сомневался, – примирительно заметил Охотник. – Только бывают, малыш, в жизни такие скотские обстоятельства, когда все тайное вдруг становится явным. Ладно, закроем эту тему. Теперь все равно уж ничего не изменить. Отныне нас, посвященных, трое и будем исходить из этого обстоятельства… А насчет тетрадок… Конечно, раз уж тайник обнаружен и личная тайна записей Иваныча все равно снята, я обязательно их почитаю. Но только не сейчас, ладно? Позже. Честно говоря, устал я с дороги, как мерин после плуга. Кстати, хозяюшка. Может, ты не заметила, но на дворе темно уже. А в доме и подавно. Зажги, пожалуйста, лампу. Керосин, надеюсь, есть?

– Литра полтора осталось, – ответила девушка. – Ничего, раздобуду еще. Не такая уж большая проблема. Васюк обо

мне заботится. Да и сын его, Мишка, первый тракторист в местной деревне, проходу не дает. Уже замуж два раза предлагал.

– А ты чего? – хитро, с иронией, прищурился Ярослав. – Неужели отказала?

– Конечно. Я выйду замуж только за того, кого сама полюблю, – твердо, почти с гордостью сказала Света, задрав свой курносый носик. Она чиркнула спичкой о коробок и зажгла фитиль керосинки. – А Мишка… он парень, в общем, неплохой. В душе. Почти всю войну на Кировском заводе, прямо у токарного станка, прожил. Потом домой вернулся, стал землю пахать. Для местных девчонок – кавалер-то что надо… Но мне не нравится нисколечки. Такой же неотесанный грубый чурбан, как и его дружки. Двух русских слов связать не может. Му-му, гы-гы.

Когда под стеклянным плафоном заплясал желтый огонек, в избе сразу стало заметно светлее и оттого уютней.

– Так ведь некогда ему было академии заканчивать, – серьезно заметил Охотник. – Парень оружие для фронта давал.

– Ну и что? Не нравится – и все тут. И вообще… не хочу я об этом больше говорить! Ясно?!

– Не будем, – согласился Ярослав. – Не обижайся. Я просто для поддержания разговора…

– Ладно, чего уж тут. Ты, конечно, голодный? – спохватилась девушка.

– Да, в общем… Есть немного, – признался гость.

– Я сейчас! – Света принялась торопливо собирать на стол. – А потом баньку затоплю! С дальней дороги в баньке попариться – лучше не бывает!!!

– Я смотрю, ты действительно здесь совсем освоилась, – сказал Ярослав. – Рыбу ловишь, баню топишь, за водой ходишь. И не сказать, что из Москвы.

– Это плохо?

– Да нет, скорее – наоборот. Умница ты. И – красавица, – не удержался от комплимента Охотник.

– Прямо-таки, – смутилась польщенная девушка. – Вот, кушай. Картошка вареная, лук, хлеб, печенье. Сейчас чайник закипит.

– Света… – окликнул девушку Охотник.

– Что?

– Ты не волнуйся, я не задержусь у тебя слишком долго. И деньги у меня пока есть. Завтра с утра мне нужно заехать в военкомат, отметиться, а потом встретиться с одним человеком. Это друг моего фронтового командира. Он может помочь с работой и жильем в Ленинграде. В общем, я обузой тебе не буду.

– Господи! – всплеснула руками девушка. – Какая глупость! Никуда я вас… то есть тебя не отпущу! Придумал, надо же! Лучший студент и самый близкий друг моего отца – обуза!!! Никуда тебе уезжать из Метелицы не надо, слышишь? Автобус вон, в город теперь ходит регулярно, если не сломается, два раза в день. Останавливается прямо напротив

дома… А если совсем честно, то устала я уже быть одна. В четырех стенах. Поживи пока со мной, Слава, хорошо? Будем вместе ждать папу. Вдвоем веселее. А дальше… дальше видно будет. Я на днях загадала – если отец до Нового года вернется или хотя бы пришлет весточку, где он и что с ним, то все у меня в жизни будет хо-ро-шо…

– Обязательно будет. В любом случае, – заверил Охотник.

– Обещай, что не уедешь. Что не оставишь меня снова одну, – дрогнувшим голосом попросила Светлана. В эту секунду она как никогда раньше была просто взрослым ребенком, добровольно взвалившим на свои хрупкие девичьи плечики тяжелую для юной «столичной штучки» ношу.

– Я останусь. Пока останусь, – серьезно ответил Ярослав. – Тем более, если честно, я сам не до конца уверен, что мне удастся быстро найти жилье в Ленинграде. С работой, думаю, будет полегче… Хоть я и инвалид, но кое-чего в этой жизни умею. И могу поделиться с молодой подрастающей сменой. На другое я теперь вряд ли сгожусь…

Охотник повертел в руках подаренную Батей трость. Нахмурился.

– Извини меня, что спрашиваю, – смущенно пробормотала девушка, – но с твой ногой все действительно так серьезно?

– У меня осколком сильно поврежден сустав, – сообщил Ярослав. – И он никогда не сможет работать больше чем на треть. Я буду всю оставшуюся жизнь ходить с тростью. Увы,

но это – правда.

– Я читала в газете об одном советском летчике. Маресьеве. Когда его самолет сбили фашисты, он с ранеными ногами полз к своим через лес, много километров, в тридцатиградусный мороз. И, конечно, получил гангрену. Врач ампутировал ему обе ноги, по колено. Но Маресьев смог не только научиться ходить на протезах, но даже выучился танцевать. Да так, что никому и в голову не пришло бы, глядя, как он танцует, что вместо ног у него – деревянные подпорки. Это я к тому, что если чего-то очень сильно захотеть, то можно сделать даже невозможное. У тебя, Слава, ноги, слава богу, целы. А сустав… его ведь и разработать можно. Наверняка существуют какие-то специальные упражнения. В конце концов их можно придумать и самому. С твоим-то опытом занятий японской борьбой. Ты, главное, не отчаивайся. А я… я с удовольствием помогу тебе, чем смогу!

– Черт побери, – ухмыльнулся Охотник. – Ты говоришь с таким оптимизмом, что я уже начал сомневаться – а вдруг врач ошибся? И все не так безнадежно…

– Вот и замечательно! – обрадованно воскликнула Света и крепко взяла Ярослава за руку, обеими ладошками. – Не надо отчаиваться! Как ни жестоко это звучит, но после этой проклятой войны люди не просто калеками – уродами безнадежными домой возвращаются, без конечностей, слепые, контуженные, а тут… подумашь, колено! Тебе должно быть стыдно за такие мысли!!! Да мы этот сустав так разработаем,

что будет лучше нового! Ты у нас еще чемпионом СССР станешь! Лучший ниндзя Союза! Между прочим, был бы рядом папа – он сказал бы тебе то же, что и я! Но – уже в более мужских выражениях…

Реплика насчет «лучшего ниндзя Союза» вызвала у Охотника приступ смеха. Он смеялся долго, громко, искренне, от всей души, так, как не смеялся уже очень давно, а возможно – даже никогда. Кое-как успокоившись, Ярослав вытер колючие щеки от слез и с нежной благодарностью посмотрел на смущенно улыбающуюся Свету.

Вот уж завернула, так завернула! Ярослав вдруг поймал себя на мысли, что эта милая, замечательная и – чего уж там! – просто невероятно красивая московская девушка своим непосредственным детским оптимизмом неожиданно зарядила его такой огромной энергией, что теперь ему не остается ничего другого, кроме как со всей серьезностью подойти к разработке комплекса упражнений, способствующих улучшению подвижности раненой ноги. Для начала полистать книги, журналы, кое-что добавить от себя. По интуиции. В конце концов попытка не пытка. Он ничего не теряет, кроме времени. Ведь, как верно заметила Света, даже самые опытные хирурги, как лечивший его в Брно чешский светило Сташкевич, тоже хоть раз ошибаются…

А еще – Ярослав лишь сейчас, впервые со дня той, последней для капитана Корнеева операции «Стерха» по захвату эсэсовского архива, искренне признался сам себе, почему

столь пустяковое по сравнению со многими другими, гораздо более тяжелыми случаями, тем более ничуть не опасное для жизни ранение так сильно надломило его, Охотника, железную психику.

Изувеченный сустав лишал его возможности продолжать тренировки. А без них Слава уже давно не представлял себе жизни. Тренировки стали для него всем – физической нагрузкой, отдыхом и, если уж на то пошло, философией всей жизни. Холодный, неспешный, рассудительный «косоглазый» Восток оказался Ярославу куда ближе, чем взрывной, импульсивный, непредсказуемый, крайне эмоциональный «родной» русский темперамент. Так уж получилось, и с этим ничего не поделать. Он такой, каков есть…

После ужина Света, как и обещала, затопила баню. Окончательно разомлев под паром, отмокнув, наконец-то побрившись и облачившись в чистое белье, Ярослав с огромным удовольствием жадно выпил поднесенный ему девушкой целый ковшик ледяной колодезной воды, прилег – вроде бы как всего на минутку – на отведенное ему юной хозяюшкой место за натянутой поперек горницы шторкой, на до боли знакомую еще по довоенным временам скрипучую раскладушку, намереваясь после минутного блаженного отдыха от бани продолжить интересное общение с дочерью сенсея, а потом обязательно почитать те самые дневники и… сразу же провалился в сон.

Света подошла, улыбнулась, накрыла гостя одеялом.

Ушла за шторку и вскоре погасила керосиновую лампу.

Охотнику снилось, что он – волк. Молодой мускулистый вожак с белыми клыками, стремительно и бесшумно бегущий по дикому зимнему лесу во главе большой, агрессивной, клацающей зубами стаи. Странно, но в шкуре серого хищника Ярослав не испытывал ни малейшего неудобства. Напротив – все происходящее было очень даже органично. Как говорил французский летчик Пьер Гием из полка «Нормандия—Неман», с которым их свела судьба еще в Польше – «дежа вю». Эффект уже однажды виденного. Этот безумный бег среди деревьев пьянил его, заставляя сердце стучать сильнее и быстрее гнать кровь по венам. Может быть, оттого, что в образе волка, наводящего ужас на обывателей, для бывшего капитана диверсионно-разведывательного отряда Корнеева уже давно не было ничего устрашающего? Скорее, наоборот. Он сам давно уже являлся по сути тем самым волком. Вожаком своей маленькой группы, полгода назад во время очередной кровавой охоты вдруг попавшим в капкан, поломавшим лапу, да так навсегда и отставшим от стремительно умчавшейся вдаль в поисках новой добычи хищной стаи.

Глава 6
Вор должен сидеть

Ярослав проснулся, когда за окном еще было темно, и сразу же взглянул на наручные часы. Пять утра. До автобуса на Ленинград оставалось два часа, и можно было не торопиться вскакивать, натягивать гимнастерку и ботинки. Но со стороны кухни, из-за прикрытой двери, уже пробивался желтый свет керосинки, слышалось шкварчанье сковороды и доносился запах свежезажаренной рыбы. Светлана готовила на завтрак пойманных вчера в речке окуней.

Как же давно он не ел жареной речной рыбки! С хрустящей корочкой! С ума сойти!

Рот Ярослава в миг наполнился слюной, а в желудке гулко заурчало.

Удивительно, но Охотник, все последние годы, включая и месяцы, проведенные в госпитале, спавший всегда исключительно «вполглаза» и слышавший даже «как во сне волосы растут», на сей раз не услышал абсолютно никаких звуков, не уловил и передвижений проснувшейся Светы. С чего бы это? Неужели так сильно устал накануне? Ерунда. Скорее – расслабился. Полностью, без остатка. Близкая душе и сердцу до щемящей сладкой боли привычная обстановка деревенского дома профессора Сомова и его нынешняя очаровательная хозяйка заставили-таки недремлющий мозг пове-

рить в отсутствие в окружающем пространстве какой-либо потенциальной угрозы и отключиться, впервые с июня сорок первого года дав себе абсолютный отдых…

Наскоро, насколько позволяло негнущееся колено, одевшись и обувшись, Ярослав вошел в кухню. Света встретила его приветливой улыбкой:

– Добро утро!

– Доброе. Давно хлопочешь?

– Почти час, – мельком взглянула на настенные ходики девушка. – С рыбой всегда много возни. Особенно с окунями. У них чешуя – как броня. Но уже все готово. Я как раз собиралась тебя будить.

На столе, на круглой деревянной плашке, стояла большая чугунная сковорода с золотистой рыбой, рядом, на тарелочке, лежал нарезанный ломтиками хлеб. Тут же исходили дымком две большие кружки с чаем и приятно притягивали взгляд выложенные на блюдце два кусочка недробленого кускового сахара.

– Рыбка – это замечательно. Я тут, кстати, обычно карасей дергал, – Ярослав кивнул в ту сторону, где находилась река.

– Проснись. Специалист-ихтиолог! На календаре октябрь. Карась уже не ловится. Только окуньки и плотвички.

– А верно. Я смотрю, рыбацкую науку ты освоила не хуже домоводства, – рассмеялся Охотник.

– Так Навицкий, отчим, был заядлым рыболовом. Все свободное от самолетов время с удочкой на речках проводил. И

нас с мамой частенько с собой, на Ламу и Пахру, брал. Когда хорошая погода. Вот и нахваталась премудростей.

– Умница, – похвалил Ярослав.

– Я такая! Ну, чего застыл столбом? Что-то не так?

– Где у тебя умывальник?

– Там же, где и раньше. Летний – на дворе, зимний – в сенях. Но в уличном воды нет. Заморозки были, вот я и слила.

– Точно, – хлопнул себя по лбу Охотник. – Совсем из головы вылетело. Отвык.

– Привыкай, – вздохнула Светлана и вновь одарила Ярослава такой милой и умопомрачительной улыбкой, что у него заныло в груди.

– Я быстро, – бросил он и, опираясь на трость, проковылял в сени.

С рыбкой расправились быстро, с аппетитом. Потом не спеша пили чай вприкуску с сахаром.

– Ты к которому часу пойдешь в библиотеку? – спросил Охотник.

– К десяти. И – до семи вечера.

– Я вернусь, как только управлюсь с делами, – пообещал Ярослав. – Заеду сначала в военкомат, потом – к Голосову. Насчет работы.

– Хорошо. Ты… – Света смущенно отвела взгляд в сторону окна, – ты, главное, только возвращайся. А когда – это неважно. Я буду тебя ждать…

Автобус на Ленинград был заполнен шумными, непре-

рывно галдящими селянами, как бочка – солеными селедками. Запах тоже вполне соответствовал. До самого Московского вокзала истекающему потом Охотнику пришлось стоять на нижней ступеньке. Когда дверь наконец-то открылась, ринувшиеся на свежий воздух пассажиры чуть не вынесли Ярослава наружу – он едва успел соскочить на тротуар и увернуться, как мимо прошмыгнула красная, как помидор, дородная грудастая тетка с картофельным мешком за спиной.

Нет, правы были узбекские агрономы, Варя и Шурик, – в Морозово культура из людей так и прет. Впрочем, это в порядке вещей. Здесь не истоптанная вдоль и поперек Европа, с ее подстриженными лужайками. Цивилизация в Союзе резко кончается на последней городской улице, дальше начинается сплошное варварство. Не очень патриотично так думать о своем родном народе, но что поделаешь, если это – чистая правда.

До центрального военкомата, жизнь в котором буквально кипела, Ярослав дошел пешком. Представился дежурному офицеру, предъявил документы. Сообщил цель визита. Услышав о звезде Героя, старлей тут же встал из-за стола, вытянулся во фрунт и отдал Охотнику честь. Затем быстро по телефону доложил комиссару о визитере, выслушал короткий ответ и предложил подняться на второй этаж, в комнату номер девять.

Полковник Жгун – рослый, атлетически сложенный муж-

чина лет сорока пяти – встретил Ярослава почти радушно, предложил сесть, заказал чай. Сдвинув на кончик носа очки, внимательно изучил документы. Попросил показать высокую награду. Записал в блокнот ее номер и адрес временного проживания Ярослава в Метелице. Задал Охотнику несколько общих вопросов, пообещал, что как только наградная книжка придет, Ярославу немедленно сообщат об этом. А напоследок, когда все вопросы были улажены, полковник Жгун предложил Ярославу в срок до их следующей встречи зайти в фотоателье и сделать снимок, обязательно с наградами на гимнастерке. Для будущего памятного альбома, где будут собраны снимки всех ленинградцев-фронтовиков, награжденных звездой Героя СССР. Охотник пообещал, попрощался с комиссаром за руку и покинул военкомат, отправившись на Садовую, к Никольскому собору, где жил старый друг командира Бати.

Начал накрапывать мелкий противный дождь, плавно перешедший в мокрый снег, поднялся пронизывающий ветер. Чтобы добраться до места, предстояло пройти изрядный кусок, и заметно уставший от ходьбы Ярослав решил проехать несколько остановок на трамвае. Транспорт в городе на Неве ходил уже более-менее регулярно, но исправного подвижного состава после блокадной разрухи явно не хватало, поэтому трамваи курсировали по маршрутам с большими интервалами. Прождав минут сорок, Ярослав, подталкиваемый в спину другими мокнущими под усиливающимся мокрым

снегом пассажирами, наконец-то забрался в переполненный вагон. И тут произошло неожиданное – заметив в его руках инвалидную трость, сидящая на ближайшем ко входу одиночном месте девушка с торчащими из-под берета косичками, примерно одного возраста со Светой, встала и сказала:

– Садитесь, пожалуйста. Вам, наверное, тяжело стоять…

– Ну что ты, солнышко! – Ярослав, пойманный врасплох столь неожиданным предложением, так искренне смутился, что ему показалось, что его бледное лицо со впалыми щеками обязательно должно вспыхнуть багровым цветом автомобильного стоп-сигнала. – Я в полном порядке, можешь мне верить!

– Ну… как хотите, – пожала плечами девушка, опустилась на место и отвернулась к окну. Охотник стоял рядом, одной рукой держась за перекладину под потолком вагона, а второй опираясь на трость, и готов был провалиться на месте от стыда. Дожил, ничего не скажешь. Ему, тридцатилетнему мужику, хорошенькие девушки место в транспорте уступают! На душе Ярослава стало так скверно, что даже сердце сдавило, словно клещами. Большего унижения – а именно так он расценивал оказанную ему любезность – Охотник еще ни разу не испытывал. И, как назло, как специально, в качестве издевательства, вдруг ни с того ни с сего разболелось, заныло острой пульсирующей болью раненое колено! Да что б тебя!

Светлана сто раз права: нужно перестать хандрить по по-

воду невозможности реабилитации и просто, стиснув зубы, начинать тренироваться. Потихоньку, вначале – по пять минут в день, медленно и постепенно увеличивая нагрузку. И если спустя год удастся увеличить подвижность раздробленного сустава хотя бы на пару сантиметров – это уже можно будет считать огромной победой. Победой над собой. Над своими страхами. Над приговором хирурга. Прав, тысячу раз прав был Зоркий, Олег Емельянов: «Лучше быстро сдохнуть а бою, чем остаться калекой!» А крамольные мысли о том, что кому-то из миллионов вернувшихся домой бывших фронтовиков сейчас гораздо хуже, что кто-то где-то – может быть, даже вот в этом сером доме, мимо которого сейчас проезжает трамвай, – находится в значительно худшем положении, чем он, Охотник, – это все туфта. Пустое и бесполезное сотрясение воздуха. Нельзя влезть в чужую шкуру и прожить чужую жизнь. Жизнь у каждого своя. Единственная и неповторимая. И сейчас ему плохо, очень плохо. Каково это горькое чувство на вкус, может понять только человек-кремень, вдруг в одночасье превратившийся в фактически беспомощного перед лицом любой физической угрозы инвалида.

Если бы не трость с клинком – подарок Бати, – разве смог бы он справиться в поезде с капитаном Бересневым? Давно бы уже отдыхал на нарах в Чека и ждал расстрела. Черт побери, да он в своем нынешнем положении даже с обычным дворовым хулиганом навряд ли справится, окажись тот до-

статочно шустрым! Разве это не унижение для настоящего бойца?! Это хуже. Это – жизнь одноклеточной амебы.

Решено. Сегодня же, после возвращения в Метелицу, он пойдет в сарай, приведет там все в порядок и начнет тренироваться. Под лежачий камень вода, как известно, не течет. Если в результате занятий будет хоть крохотное улучшение – отлично. А если от нагрузок станет только хуже и колено воспалится, окончательно потеряв подвижность, значит, судьба у него такая…

Погрузившись в мысли, Ярослав тупо смотрел прямо перед собой в запотевшее трамвайное стекло. Где-то справа, в глубине до отказа заполненного пассажирами вагона, тихо захныкал маленький ребенок, и этот звук почему-то заставил Охотника встрепенуться, скосить взгляд. Он вспомнил свои вчерашние невеселые наблюдения – в нынешнем послеблокадном Ленинграде почти не было маленьких детей, – скользнул взглядом поверх голов, но так и не разглядел в толпе плачущего малыша. Нового жителя мирного города. В том, что плакал именно младенец, появившийся на свет в год Великой Победы, не было никаких сомнений…

Зато Ярослав вдруг заметил нечто, заставившее его непроизвольно напрячься и даже на секунду перестать дышать. Охотник воочию, с расстояния в два шага, увидел то, что почти никогда не удается лицезреть ни пассажирам, ни тем более милиции, – он стал свидетелем кражи. В памяти тотчас всплыло растерянное лицо агронома Шурика и запла-

канное личико его жены Вари, у которых вот такой же щипач вчера вечером увел кошелек с деньгами и продуктовыми карточками. Ах ты, сволочь!

Позади грузного, краснощекого, пузатого мужика лет пятидесяти «с хвостом», в глубоко натянутой на голову мокрой шляпе, стоял, плотно прижавшись к нему грудью и гибко покачиваясь в такт колебаниям толпы, маленький рыжеватый парень, лет двадцати пяти, в клетчатой серой кепке и неброской курточке. Его изящная, как у пианиста, чувствительная кисть левой руки уже на две трети залезла в расстегнутый кожаный портфель толстяка. Быстро оценив ситуацию, Ярослав понял, что возможность наблюдать происходящее была только у него одного. Трамвай был забит битком. Стоявшие вплотную к вору и его ни о чем не подозревающей жертве люди не могли даже шевельнуться, тем более смотреть ниже плеча соседа. Те двое пассажиров, что находились дальше в вагоне, вообще стояли к вору спиной. Женщина, сидящая перед толстяком, откровенно дремала, закрыв глаза и подперев щеку рукой. Никто ничего не видел. Что, в общем, неудивительно. По точности движений было понятно – работает настоящий профессионал. Мастер своего дела. Виртуоз карманной тяги.

Ярослав стоял, не шелохнувшись, внимательно наблюдая за действиями щипача. Рыжий тем временем нащупал в глубине портфеля какой-то небольшой, обернутый материей, продолговатый предмет, похожий на крохотный кирпичик,

ювелирно извлек его наружу и – тут же, без паузы, вложил в протянутую руку! Вот в чем дело! Их было двое! Ловко, ничего не скажешь. Теперь рыжий чист. Попробуй докажи, что кража – его рук дело. Столько крика и вони будет. Я – не я, и лошадь не моя. Второй – столь же невысокий и щуплый, как и рыжий вор, но значительно старше его по возрасту, лет под сорок – подельник, получив добычу, мгновенно спрятал ее в боковой карман своего драного латаного пальтишки на рыбьем меху и, расталкивая пассажиров, юрким ужом двинулся к входной двери. Трамвай, надрывно звеня, уже сбавил ход и тормозил у очередной остановки. Как раз той, где собирался выходить Охотник, – неподалеку от Никольского морского собора. Все, медлить больше нельзя, пора вязать этих уродов. Кто знает – может, это те самые, которые вчера взяли кошелек у «узбеков». А если нет – какая, к черту, разница? Пусть милиция с подонками разбирается.

– А ну стоять! – громко, на весь трамвай, крикнул Ярослав и, потянувшись, успел-таки ухватить за шиворот почти добравшегося до двери подельника. – Граждане! Это воры! Держите второго, рыжего!!!

Трамвай загудел, зашевелился, как растревоженный улей. Ленинградцы, видимо уже настрадавшиеся от трамвайных воров и зело наслышанные о бедолагах, лишившихся благодаря таким вот щипачам кровного заработка, отреагировали стремительно: несколько пар рук схватили рыжего, еще два мужика мертвой хваткой вцепились в уносящего добычу

подельника, придя на помощь Охотнику. А, казалось, дремлющий стоя толстяк, услышав про воров, заметно вздрогнул. Челюсть его отвалилась. Глаза застыли.

– Че за дела?! Отпустите меня! Я не при делах! Этот хромой туфту гонит! – заорал, пытаясь вырваться, рыжий. Не тут-то было. Его подельник при первых признаках шухера попытался сунуть руку в карман пальто, чтобы сбросить на пол главную улику – сверток, но ему не позволили – повисли на обеих руках, как гири, полностью обездвижив и пригнув лицом к полу. Вор скрипел зубами, отчаянно матерился, но уже не дергался. Понял – бесполезно. Взяли на кармане. С поличным. Теперь его ждет быстрый суд, срок и лагерь. Где-нибудь на курортах не столь уж и отдаленной Республики Коми.

– Мужчина! Вы-вы, да, – обратился к толстяку Ярослав. – Проверьте, пожалуйста, портфель. Кажется, кое-что из того, что лежало там полминуты назад, сейчас отсутствует…

Толстяк подпрыгнул, как ужаленный, когда обнаружил пропажу. Со страхом, перемежающимся с растерянностью, пролепетал, глядя на Ярослава:

– Деньги пропали. Тридцать тысяч. Я… только что три картины продал. Из личной коллекции. Я – искусствовед, из Русского музея.

– Не пропали ваши денежки, к счастью, – шумно вздохнул Охотник, поняв, что дело сделано. – Сверток в кармане вот у этого типа, в синем пальто. Только не доставайте пока! –

упреждающе предупредил он держащих вора мужчин. – И ему не позволяйте! Это должна сделать милиция. При свидетелях.

– Спасибо, товарищ капитан, вы меня спасли!!! – громко икнул, подобострастно глядя на Ярослава, толстяк. Протиснулся навстречу, с чувством пожал руку. И вдруг, резко изменившись в лице, развернулся на сто восемьдесят градусов и с такой силой врезал рыжему ворюге в нос, что у того мгновенно помутнел взор и подкосились ноги. Нокаут. Если бы не вцепившиеся в куртку и руки рыжего сразу с трех сторон бдительные пассажиры, щипач наверняка рухнул бы бесчувственной чуркой на пол вагона. Но ему, мягкому, как тряпичная кукла, не позволили, удержав в вертикальном положении. Из разбитого носа щипача вытекли две быстрые рубиновые струйки. Кровь обогнула губы и начала капать с подбородка на грудь, расплываясь темным пятном на шарфе…

– Я в молодости боксом занимался, – поймав на себе заинтересованный взгляд Охотника, с гордостью сообщил толстяк, потирая отбитые костяшки руки.

– Красивый удар, – согласился Охотник. – Эй, там! Скажите трамвайщику, пусть не открывает двери и бежит за милицией, – распорядился Ярослав. – Кажется, участок здесь рядом, за углом.

– А что вы тут распоряжаетесь?! По какому праву?! – возмутился кто-то, стоящий на ступеньках. – Мне выходить на-

до! Я опаздываю на встречу!

– Подождешь, старый хрен, ничего с тобой не случится, – грубо осадил его другой мужской голос. – Не каждый день карманников с поличным ловят…

Глава 7
За добро надо платить

Милиция, числом четверо – трое в форме и один в штатском, прибыла на место кражи уже через пять минут. Зрительная память Ярослава, много лет назад случайно, мельком, запечатлевшая где-то в этом квартале дверь с табличкой и припаркованный рядом черный автомобиль, действительно его не обманула – околоток находился поблизости от Никольского собора. Буквально в двух шагах. Милиционеры оказались служаками ушлыми, опытными, и времени зря не теряли, действуя быстро и четко. Зашли в трамвай, блокировали задержанных гражданами воров, накоротке выслушали очевидцев – главным образом Ярослава, тут же, призвав понятых, произвели изъятие свертка, в котором оказались деньги. Тридцать тысяч рублей. Сумма просто огромная. Большинство пассажиров трамвая впервые видели такие бешеные деньги собственными глазами. По вагону прошел гул. Ярослав еще слабо ориентировался в ценах, но, как не без зависти заметила какая-то любопытная дамочка артистического вида, протиснувшаяся из толпы ближе к месту действия: «За такие деньжищи можно запросто купить приличный, ухоженный финский домик где-нибудь в живописной зоне, на северном побережье Финского залива».

Если так, то толстяку действительно было от чего в первые

секунды после кражи впасть в отчаяние. Он буквально места себе не находил, пока милиционеры не произвели изъятие вещдока и окончательно не выяснилось, что деньги целы.

Когда необходимые по закону формальности на месте происшествия были закончены, старший группы, представившийся майором Щербатовым, предложил Ярославу, потерпевшему и двум пассажирам-понятым «ненадолго пройти в участок для завершения процедуры и составления документов».

В участке задержанных воришек сразу же посадили в камеру, свидетелям предложили пока подождать в коридоре, а Охотника и толстяка завели в комнату для снятия показаний. Щербатов достал лист бумаги, первым делом внес в него данные Ярослава и потерпевшего, а затем, закурив папиросу и пристально взглянув на толстяка, спросил:

– Стало быть вы, гражданин… э-э… Кацнельгогель… я правильно называю вашу фамилию? Хорошо. Вы получили эти тридцать тысяч рублей всего час назад или около этого, продав три картины художника Маклевича из своей домашней коллекции другому коллекционеру, вашему коллеге по службе в Русском музее, тоже искусствоведу, Нежинскому Льву Николаевичу? Проживающему по Большой Монетной, дом двенадцать, квартира пять?

– Совершенно верно, товарищ майор, – улыбаясь и кивая головой, как китайский фарфоровый болванчик, подтвердил толстяк. Сунув руку во внутренний карман пальто, потер-

певший положил на стол сложенный вчетверо лист бумаги. – Вот, даже расписочка имеется. Извольте ознакомиться.

Майор изучил расписку, кивнул, вернул назад. Спросил сухо:

– Откуда у вас эти картины? Судя по цене – весьма недешевые, я бы сказал…

– Дело в том, что известный… в определенных узких кругах специалистов… художник Казимир Маклевич был, знаете ли, не только сумасшедшим со справкой, но и в некотором роде моим родственником. Двоюродным братом моей первой жены. После его трагической гибели в тридцать девятом году – он, в стельку пьяный, утонул в Волхове – все его картины достались жене, а от нее – мне. После развода.

– Ясно, – хмуро буркнул Щербатов. Под глазами майора залегли темные круги. Было видно, что милиционер долго не спал и чертовски вымотался. – Ладно. Вашего коллегу мы допросим отдельно, на предмет выяснения, откуда у него такая сумма. А к вам у нас претензий нет. Пока. Вот, распишитесь. Здесь и здесь.

– Простите, – напрягся Кацнельгогель. – А… мои деньги? Когда я смогу получить их назад?!

– Сейчас и получите, – ухмыльнулся, дернув щекой, Щербатов. – Подпишите протокол и расписку, что украденная у вас из портфеля сумма в тридцать тысяч рублей возвращена вам в милиции в целости и сохранности.

– Конечно, конечно! – обрадованно залепетал толстяк,

мигом схватил перо, обмакнул его в чернильницу и подмахнул обе бумаги. Щербатов выдвинул ящик стола, достал пачку денег и отдал нетерпеливо ерзающему на стуле Кацнельгогелю, буркнув:

– Пересчитайте. Чтобы потом без претензий.

– Это лишнее, – поклонился толстяк, задом, как камчатский краб, ретируясь к двери прокуренного кабинета. – Всего доброго. Прощайте.

Щербатов только небрежно махнул кистью руки – проваливай.

Когда Ярослав и майор остались вдвоем, милиционер протянул Охотнику пачку с папиросами.

– Спасибо, я не курю, – отказался Ярослав.

– Это тебе спасибо, капитан, – вымученно улыбнулся Щербатов. Ребром ладони протер слезящиеся, покрытые красной сеткой лопнувших капилляров глаза. – У нас за последний месяц двадцать семь заявлений от обворованных граждан. Все – в нашем районе. Но у меня людей – раз два и обчелся. Некому работать. Покосила война наших мужиков… Кроме этих проклятых краж еще ведь и квартирные, и гоп-стоп, и бытовуха всякая, и убийства… Мы, конечно, как могли, пасли этих ухарей, да все без толку. Они, сволочи, ушлые! Агентура у них не дремлет. Каждого из моих сотрудников уже давно в лицо знают. А ты взял и повязал их, тепленькими. С поличным. И денег сбросить не дал… В общем, по старому русскому обычаю… с меня причитается, Ярослав

Михайлович. Я серьезно.

– Возможно, я бы и не заметил, но… Просто после вчерашнего. Товарищ майор. Я хочу кое-что добавить по поводу кражи. Вчера вечером у моих знакомых в трамвае, предположительно этого же маршрута, украли кошелек с деньгами и продуктовыми карточками. Сдается, это дело рук этих двух, рыжего и усатого.

– Скорее всего, – согласился Щербатов. – Только это дохлый номер. Не пойман – не вор. Мы, конечно, будем с ними работать, но по личному опыту могу тебе сказать, капитан, что такие профессионалы колоться и брать на себя лишний срок не станут. Получат за один сегодняшний эпизод по три года – и привет. Отсидят, погуляют с недельку и обязательно примутся за старое. Знаю я эту воровскую породу. Почитай двенадцать лет в милиции… Но, на всякий случай… Как фамилия знакомых?

– Я, честно говоря, не знаю, – улыбнулся Ярослав. – Я ведь только вчера на гражданку вернулся. Почти полгода в госпитале, в Чехословакии, провалялся. С контузией и ранением. Ну, и на Московском вокзале, у стенда с расписанием пригородных поездов, случайно познакомился с агрономами из Морозово. Я как раз туда собирался, к другу. Они мне и сообщили, что теперь до колхоза автобус ходит. Слово за слово, разговорились. До автобуса еще было время, я решил прогуляться, а они в писчебумажный магазин поехали, на трамвае. Когда мы снова встретились, я узнал, что у

них щипач украл кошелек. А там – все деньги и карточки, до конца месяца. Так что где живут – примерно знаю, а фамилию не спрашивал. Варвара и Шурик.

– Я-с-сно, – кивнул, что-то быстро черкнув на листе бумаги, майор. – Значит, фронтовик? – Щербатов положил перо и поднял на Ярослава заинтересованный взгляд. – В каких войсках воевал?

– В парашютных. Десантник.

– Это серьезно, – сухо обронил милиционер и задумался. Вокруг рта майора пролегли глубокие морщины. – Значит, еще не устроился? В смысле работы.

– Нет. Я как раз на встречу ехал, – сообщил Ярослав. – Насчет работы.

– Тогда, может, к нам, в милицию, а, Ярослав?! – встрепенулся Щербатов. – Мужик ты, судя по всему, серьезный. Опытный. Под пулями вражескими ходил. Смерти в глаза смотрел. Нам такие сотрудники сейчас позарез нужны. Как кровь. Как воздух. Что скажешь?

Вместо ответа Охотник недвусмысленно поднял и повертел в руках свою приметную темно-коричневую трость с костяной рукояткой. Но на Щербатова эти манипуляции не произвели ни малейшего впечатления.

– По поводу ранения не беспокойся, – отмахнулся майор. – Хромота – не помеха. Вон в соседнем кабинете сидит старлей Амельченко, вообще без одной руки! Отличный сотрудник, между прочим. Кучу безнадежных дел раскрутил…

У нас в милиции, Слава, ведь не только руками, ногами, оружием и кулаками надо уметь работать, но и головой. Причем гораздо больше, чем всеми остальными частями тела. Хотя кое-кому это может показаться странным, – Щербатов зло фыркнул. – Главное – у тебя есть хватка. Есть хребет! Подучишься месяц на курсах, постажируешься еще с месячишко – и в бой. Если будут вопросы – мужики всегда помогут. Мы ведь здесь как одна стая, друг за друга горло перегрызем. Так что блатные в чем-то правы, клича нас, милицию, волками. Я тут на днях поймал себя на мысли, что, когда урки говорят мне «легавый», я прихожу в бешенство. А когда называют волком, мне, черт побери, даже приятно. Значит, ненавидят, но – уважают. Так что? Соглашайся.

– Я подумаю над вашим предложением, – ответил Ярослав, тактично уклонившись от ответа. Просто не хотелось прямо в глаза говорить майору «нет». – Такие серьезные поступки на бегу не делаются. Вы же понимаете…

– В общем, имей в виду, Корнеев, – резко вставая и протягивая Охотнику руку, бросил Щербатов. – Если надумаешь, я тебя сразу приму. И комнату отдельную в общежитии дам. Эх, мне бы таких, как ты, десантников, десятка два, я бы уже давно всю местную бандоту и гопоту к ногтю прижал, – мечтательно вздохнул майор. – Ладно. Удачи тебе. Если что понадобится – обращайся напрямую. Всегда помогу. А по поводу твоих вчерашних знакомых не беспокойся. Я твой должник. Сделаю, что смогу. Душу из этого рыжего вы-

трясу, но узнаю – он или не он их лопатник сработал. Ну, бывай!..

– Всего добро, – Ярослав стиснул сухую, крепкую ладонь милиционера и вышел.

Оказавшись на улице, Охотник сразу же свернул налево, к Сенной, но тут его неожиданно окликнули. К удивлению обернувшегося Ярослава, это был толстяк Кацнельгогель, собственной персоной. Он мок под нудным снегом с дождем, втиснув свою огромную тушу под узкий козырек эркера, нависающего со второго этажа дома. По тому решительному виду, с которым искусствовед бросился вдогонку своему недавнему «спасителю», можно было сообразить, что он прохлаждался здесь последние несколько минут не просто так, дыша свежим влажным воздухом и любуясь дивной архитектурой Никольского Морского собора, а ждал именно его.

– Ярослав Михайлович! Голубчик, подождите! – запыхавшийся от бега на десять метров толстяк остановился рядом с Охотником, сипло дыша и морщась от бьющего прямо в лицо липкого снега. За время их не столь долгого пребывания в участке погода испортилась окончательно. – Уделите мне одну минуту вашего драгоценного времени! Вы ведь не слишком торопитесь? Иначе не затевали бы всей этой истории с поимкой воров, так ведь?

– Логично мыслите, Эраст Григорьевич, – улыбнулся Ярослав. – Слушаю вас, – он внимательно разглядывал искус-

ствоведа, силясь догадаться по выражению его одутловатой физиономии, что толстяку еще нужно. Карманники в камере, деньги свои он получил. Одним словом, гражданская справедливость восторжествовала. Кажется, на этой мажорной ноте можно было бы и откланяться. Ан нет.

– Ярослав Михайлович, давайте хоть в подворотню зайдем, – быстро бросив взгляд на дверь отделения милиции, кивнул на ближайшую арку Кацнельгогель. По-свойски взяв Охотника под руку, потерпевший почти поволок его в проходняк, бубня под нос: – Тут же просто настоящая буря! Как вам это нравится?

Оказавшись в арке, искусствовед достал из кармана пальто носовой платок, вытер мокрое, раскрасневшееся лицо. Затем аккуратно сложил платок и убрал назад. Ярослав терпеливо ждал.

– Голубчик, – вновь обратился к нему толстяк, понизив голос до громкого шепота, – я искренне поражен вашей смелостью! В…э-э… вашем не совсем здоровом положении рискнуть ввязаться в этакую переделку – это, я вам скажу, не каждому по зубам. Вы мужественный человек!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.